КРИЧИ
если хочешь
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
МОРГАНА РЕДЖ

Моргана Редж
Кричи, если хочешь

https://litres.ru/74659934
SelfPub; 2026

Аннотация

— Кричи, если хочешь, Дана. Я тебя всё равно не отпущу.

Меня толкнули, и мой ноутбук разбил стекло машины Матвея Бессонова. Теперь я должна Бесу сумму, которой у меня никогда не было.

Он силой привозит меня в свой дом и решает, когда мне учиться, работать и уходить. Каждый отказ грозит оставить меня без средств и крыши над головой. И я боюсь однажды узнать, что из этого дома уже не выйду.

От автора: Строго 18+

Вас ждет:

неидеальный одержимый герой

третий лишний/ложный друг

нервно и эмоционально

кого-то обязательно захочется прибить

дорога по битому стеклу к любви без ванили

Содержание

Глава 1. Дана 4
Глава 2. Дана 11
Глава 3. Дана 19
Глава 4. Бес 28
Глава 5. Дана 38
Глава 6. Дана 47
Глава 7. Бес 53
Глава 8. Бес 59
Глава 9. Дана 69
Глава 10. Дана 79
Глава 11. Бес 91
Конец ознакомительного фрагмента. 103

Моргана Редж
Кричи, если хочешь

Глава 1. Дана

Я понимаю, что меня обманули, ещё до того, как преподавательница поворачивается к двери. В аудитории слишком тихо, на экране светится знакомая таблица, а Кристина сидит на своём обычном месте, хотя двадцать минут назад написала, что застряла в пробке.

Она первой замечает меня и опускает глаза к телефону. Улыбка остаётся у неё на губах.

— Дана, вы решили присоединиться к нам под конец? — спрашивает Ирина Сергеевна.

Я придерживаю дверь и смотрю на часы над доской. Они показывают десять двадцать. В сообщении, которое я перечитала в автобусе, занятие начинается через десять минут.

— Кристина прислала перенос. Я думала, что мы начинаем в половине одиннадцатого.

В третьем ряду кто-то тихо смеётся. Я узнаю этот смех раньше, чем нахожу глазами его обладателя, и уже понимаю, что оправдание только ухудшило положение.

Кристина поворачивается ко мне с таким искренним удивлением, что на секунду я сомневаюсь в собственном зре-

нии.

— Я отправляла расписание консультаций. Ты разве не прочитала заголовок?

Достаю телефон, но пальцы почему-то не попадают на нужную переписку. Фотография расписания пришла в восемь шестнадцать, когда я уже одевалась. Под ней Кристина написала: *«Первую пару перенесли, приходи к десяти тридцати»*. Я поблагодарила её и осталась в общежитии, чтобы закончить оплаченный заказ.

Теперь эта благодарность выглядит особенно жалко…

— Здесь написано про первую пару, — говорю я и поднимаю экран.

— Дана, я не буду разбирать вашу переписку, — отвечает преподша. — У нас сегодня защита, которую мы обсуждали на прошлой неделе. Вы подготовили расчёт?

На финансовом менеджменте мы защищаем проекты небольшого бизнеса, и я выбрала открытие кафе. В таблице я рассчитала аренду, оборудование, закупку продуктов и зарплаты, а затем определила, сколько посетителей нужно обслуживать ежедневно, чтобы покрывать расходы. На втором листе я уменьшила предполагаемую выручку и повысила цены поставщиков, чтобы проверить, выдержит ли проект ухудшение условий. Я несколько вечеров сверяла расчёты и могла объяснить каждую цифру, если бы сейчас передо мной не сидели люди, ожидающие моей ошибки.

Я киваю, чувствуя, как горит лицо. Я проверяла форму-

лы до двух часов ночи, пока соседка спала, отвернувшись к стене. Сейчас половина аудитории смотрит на меня с ожиданием.

— Тогда выходите. У вас осталось семь минут.

Я прохожу между рядами, стараясь никого не задеть сумкой. Кристина убирает ногу с прохода только после того, как я останавливаюсь. На соседней парте лежит телефон с включённой камерой, и его хозяин даже не пытается перевернуть экран.

Матвей Бессонов сидит через проход от них.

Он старше большинства нашей группы и появляется на совместном практикуме тогда, когда считает нужным. Преподаватели узнают его сразу, а студенты освобождают место ещё до того, как он подходит. Я ни разу не слышала, чтобы кто-нибудь попросил его подождать.

Он смотрит, как я ставлю ноутбук на стол. У него красивое лицо, но спокойная усмешка делает его неприятным. Я отворачиваюсь, прежде чем он замечает мой взгляд.

Переходник цепляется за подкладку сумки. Я вытаскиваю его вместе с чеком из продуктового, и чек падает на пол. Кто-то комментирует, что бюджет дошёл до защиты лично. Я наклоняюсь за бумажкой, хотя могла бы оставить её до конца, и слышу новый смешок.

Ирина Сергеевна просит аудиторию соблюдать тишину. Кристина прикрывает рот ладонью, а Матвей продолжает смотреть на меня.

Я открываю файл и вывожу таблицу на экран. Парень с телефоном меняет ракурс, чтобы снять моё лицо, и я теряю нужную строку.

— Ты рассматриваешь только базовый сценарий? — спрашивает Матвей.

Я поворачиваюсь к нему.

— Второй сценарий находится на следующем листе.

— Тогда покажи его. Мы же должны понять, за что государство оплачивает твоё обучение.

Кристина смеётся уже открыто. Преподавательница хмурится, но Бессонов смотрит на экран с таким деловым интересом, что его слова можно принять за неудачную шутку. Я переключаю лист и начинаю объяснять чувствительность модели, чувствуя, как каждое предложение становится длиннее, чем нужно. Я знаю расчёт, однако теперь думаю о том, что моё лицо останется у них в телефоне.

— Дана, вы уходите от вопроса, — перебивает Ирина Сергеевна.

Я возвращаюсь к первой таблице и отвечаю ещё раз. Матвей молчит, а я всё время жду, когда он снова вмешается.

— А если посетителей будет на треть меньше, через сколько окупится твоё кафе? — спрашивает Матвей, переводя взгляд с таблицы на меня. — Ты рассчитала, сколько месяцев сможешь платить аренду и зарплаты, пока выручки не хватает?

Он откидывается на спинку стула, давая мне время от-

крыть второй лист, но продолжает раньше, чем я успеваю ответить:

— И откуда ты возьмёшь деньги на эти месяцы, Дана? Ты собираешься покрывать убытки из стипендии?

Преподша делает пометку в списке и назначает мне доработку. Я сохраняю файл, отключаю переходник и ухожу к свободному месту под негромкий разговор за спиной. Кристина уже показывает кому-то экран своего телефона.

Опускаю глаза на сумку и провожу пальцем по потёртому шву. Если защита пройдёт на следующей неделе, мне придётся поменяться сменами. Администратор и так недоволен, что я отказываюсь выходить утром, когда у меня занятия. Он может найти человека с более удобным расписанием, а я останусь с деньгами на проезд и половиной неоплаченного заказа.

Стипендия не покрывает обычных расходов. Квартиру, которую мне должны выдать как сироте, я пока вижу только в документах, а общежитие остаётся единственным местом, куда я могу вернуться, не договариваясь о цене.

Кристина знала, что я ей поверю. Она иногда присылает изменения из учебной части, и я никогда не спрашивала, почему сегодня она решила написать лично.

Когда занятие заканчивается, я жду, пока преподша выйдет, и подхожу к парте Кристины.

— Ты специально прислала мне неправильное время?

Кристина поднимает глаза и улыбается без прежнего

удивления.

— Ты сама решила, что можешь поспать подольше.

— Я работала.

— Ты можешь пожаловаться, если тебе так обидно.

Она говорит это при Матвее и смотрит на него, ожидая реакции. Бессонов закрывает ноутбук и неторопливо встаёт. Его взгляд останавливается на моём лице, словно я продолжаю защиту и снова отвечаю недостаточно хорошо.

Я успею на работу, если сейчас выйду из аудитории, однако вместо этого слышу собственный голос:

— Тебе нравится смотреть, как она это делает?

Господи, зачем я нарываюсь? Заткнись, Дана!

Кристина перестаёт улыбаться. Парень рядом с ней опускает телефон, и это движение почему-то окончательно убеждает меня, что вопрос я задала опасный.

Матвей обходит парту и останавливается передо мной. Он оставляет достаточно места, чтобы я могла отступить, но я не двигаюсь, потому что теперь все смотрят именно на нас.

— Ты спрашиваешь меня, Дана?

Я поворачиваюсь, но смотрю поверх его плеча…

— Ты смеялся вместе с ними. Я спрашиваю, потому что ты знаешь, что я не могу устроить тебе то же самое.

Он разглядывает меня, а я представляю жалобу, разговор в деканате и вопросы, на которые придётся отвечать одной. Его усмешка становится чуть заметнее.

— Ты уже решила, что можешь мне устроить?

Я сжимаю ремень сумки и обхожу его, пока он не добавил ничего другого. Матвей не мешает мне пройти. Из-за этого я почти убеждаю себя, что всё закончится обычной неприятной записью в студенческом чате.

Вечером, когда я сижу на кровати с ноутбуком, телефон вибрирует рядом с коленом. Незнакомый номер присылает видео. На экране я стою перед аудиторией, наклоняюсь за чеком и пытаюсь подключить переходник под чужой смех. Камера расположена сбоку, там, где сидел приятель Бессонова.

Я закрываю запись, но следом приходит сообщение.

«Дана, в следующий раз смотри на меня, когда задаешь вопрос».

Я перечитываю его, вспоминая, как Бес позволил мне уйти. Телефон снова вибрирует, и на экране появляется вторая строка.

«А теперь я жду твой ответ».

Глава 2. Дана

Я смотрю на последнее сообщение, пока экран не гаснет, и ещё несколько секунд держу палец над телефоном. Он прислал мне запись, которой я боялась весь день, и теперь требует ответа, словно у нас существует разговор, обязанный продолжаться по его желанию.

«Ты должен удалить видео», — пишу я.

Он читает сообщение почти сразу. Я жду, что появится отметка о наборе текста, однако ничего не происходит. Через десять минут я откладываю телефон, а через пятнадцать снова проверяю экран. Матвей заставляет меня ждать, даже когда его нет рядом, и это раздражает сильнее самого сообщения. Откуда у него мой номер? Наверняка, Кристина дала…

Утром я выхожу из общежития раньше обычного, чтобы распечатать работу до занятий. Кристина здоровается со мной в коридоре так, будто вчера мы просто не поняли друг друга. Я прохожу мимо и до конца пар стараюсь смотреть только на преподавателей.

После последнего занятия в группе с подработками появляется объявление о срочной уборке квартиры. За два часа обещают три с половиной тысячи, оплату наличными и все средства на месте. Я перечитываю условия, потому что обычно за такой заказ дают меньше, но женщина объясняет,

что вечером приезжают новые жильцы и прежние оставили после себя беспорядок.

До моей смены в кафе остаётся пять часов. Адрес находится в трёх остановках от университета, и я успеваю выполнить заказ, заехать в общежитие и забрать рабочую одежду. Деньги позволят купить продукты и оставить хотя бы небольшую сумму на случай, если постоянная подработка сорвётся.

Я пишу, что могу приехать.

Женщина, представившаяся Еленой, присылает код домофона и предупреждает, что дверь квартиры будет открыта. Затем она уточняет, нужны ли мне перчатки. Эта обычная забота о деталях убеждает меня больше, чем сумма оплаты.

В квартире никого нет. Через огромные окна видна набережная, вдоль стены стоят коробки с бутылками, а на светлом столе осталось несколько бокалов с засохшим содержимым. Я фотографирую беспорядок, отправляю заказчице и получаю ответ, что всё это нужно убрать.

Я ставлю сумку с ноутбуком на стул возле входа и начинаю с кухни.

Работа оказывается тяжелее, чем выглядела на фотографиях. Кто-то пролил липкий напиток под диваном, в раковине лежит посуда с присохшей едой, а на полу возле окна я замечаю мелкие осколки. Я собираю их особенно тщательно, представляя, как новые жильцы будут ходить здесь босиком. Через час у меня ноет поясница, но я продолжаю, потому что

оплата зависит от результата.

Елена спрашивает, скоро ли я закончу. Я отправляю фотографии чистой кухни и пишу, что мне осталось вымыть пол. Она просит дождаться владельца, который привезёт деньги.

К половине шестого я уже больше часа жду расчёта и снова протираю поверхности, которые успели высохнуть. Елена отвечает, что владелец задерживается в дороге. Я пишу, что должна уйти, но вместо обещанного перевода получаю просьбу подождать ещё десять минут. Эти деньги означают почти две смены на моей обычной подработке, поэтому я остаюсь, хотя время на дорогу и переодевание сокращается с каждым её сообщением.

Когда за входной дверью слышатся голоса, я отжимаю последнюю тряпку. Ведро стоит возле стены, мусор собран в пакеты, а на кухне всё блестит так, как никогда не блестит в нашем общежитии. Я снимаю перчатки и иду навстречу человеку, которому должна показать работу.

Первой в квартиру входит… Кристина.

Я останавливаюсь посреди коридора, а она оглядывает меня с ног до головы. Следом появляется Кирилл Сомов, который вчера снимал мою защиту. Его телефон уже направлен на меня.

— Она даже закончила раньше, — говорит Кристина, обращаясь к нему. — Я думала, что нам придётся ещё ждать.

Я смотрю на камеру, потом на чистый пол за их спинами и начинаю понимать, почему заказ оказался таким удобным.

В переписке я сама рассказала, когда заканчиваются занятия и во сколько начинается смена. Теперь они знают, сколько времени могут у меня отнять.

— Кто будет рассчитываться? — спрашиваю я.

Кирилл поворачивает телефон горизонтально.

— Ты сначала расскажи, как тебе квартира. Нашим подписчикам интересно, насколько качественный сервис они могут получить.

— Я выполнила работу. Ты можешь посмотреть фотографии.

Кристина проходит мимо меня и ставит прозрачный стакан с кофе на вымытый стол. На дне осталась полоска напитка. Она наклоняет стакан, и кофе стекает на столешницу, а потом капает на пол.

— Ты здесь пропустила, — говорит она.

Я смотрю, как коричневая лужица растекается возле её туфли. Кристина ждёт, что я возьму тряпку. Кирилл приближает камеру, и я понимаю, что именно ради этой минуты меня сюда позвали.

— Я это убирать не буду…

— Тогда заказ выполнен не полностью, — отвечает он. — Ты сама согласилась на оплату по результату.

Я достаю телефон и звоню Елене. В кармане Кирилла начинает вибрировать второй аппарат. Он вытаскивает его, показывает мой вызов в камеру и смеётся.

Я сбрасываю звонок, пока он не успел ответить.

Матвей стоит в дверях кухни. Я не заметила, когда он вошёл, и от этого мне становится ещё хуже. Он смотрит на разлитый кофе, затем переводит взгляд на меня. Его спокойствие показывает, что происходящее не стало для него неожиданностью.

— Ты опять хочешь пожаловаться? — спрашивает он.

Я сжимаю телефон, чтобы пальцы не дрожали так заметно.

— Я хочу получить деньги за работу.

— Тогда попроси нормально.

Кристина улыбается, а Кирилл перестаёт смеяться и внимательно следит за моим лицом. Они ждут, как именно я попрошу. Матвей тоже ждёт, и я вдруг вспоминаю вчерашнюю отметку о прочтении сообщения. Он умеет оставлять человека перед собой без ответа, пока тот не начинает говорить то, что ему нужно.

— Ты знаешь, что мне обещали оплату, — говорю я, и стараюсь чтобы голос не дрожал. — Я приехала сюда работать.

— Я услышал, зачем ты приехала. Ты пока не объяснила, почему я должен этим заниматься.

Я убираю телефон и тянусь за сумкой. Если останусь, они получат всё, ради чего устроили этот заказ. Я уже потеряла два часа, но ещё могу успеть на смену, где мне хотя бы заплатят.

Кирилл делает шаг следом, продолжая снимать.

— Ты теперь будешь плакать в лифте? Я могу проводить.

— Ты можешь убрать телефон, — произносит незнакомый мужской голос.

Высокий светловолосый парень входит из прихожей и останавливается рядом с Кириллом. Его взгляд скользит по ведру, мусорным пакетам и моим красным пальцам, а потом возвращается к камере.

— Алекс, она просто помогает с уборкой, — объясняет Кристина.

— Тогда вы рассчитаетесь и отпустите её.

Он говорит спокойно, но Кирилл сразу опускает телефон. Матвей наблюдает за ними, и его усмешка исчезает. Я замечаю перемену раньше, чем Алекс поворачивается ко мне.

— Сколько тебе обещали?

— Три с половиной тысячи.

Кирилл заявляет, что у него нет такой суммы наличными. Алекс протягивает руку за телефоном, с которого мне писали, и повторяет вопрос уже ему. Несколько секунд они смотрят друг на друга, потом Кирилл достаёт кошелёк и кладёт на стол две тысячи.

Я не хочу подходить к деньгам рядом с разлитым кофе. Мне кажется, что они снова ждут, как я наклонюсь, но Алекс забирает купюры и подаёт мне.

— Он переведёт остаток, — говорит он.

Я беру деньги, хотя понимаю, что обещание может оказаться таким же пустым, как первое. Алекс хотя бы не требует улыбаться и благодарить компанию за доброту.

— Спасибо, — отвечаю я, глядя только на него.

Матвей выходит из кухни.

— Ты всегда приходишь вовремя, Веймер.

Алекс поворачивается к нему, и я чувствую, что между ними продолжается какой-то старый разговор. Их спокойные голоса не помогают понять, насколько серьёзно происходящее, но Кристина отходит от стола и больше не вмешивается.

Я надеваю сумку на плечо и иду к выходу. Матвей оказывается рядом раньше, чем я берусь за ручку.

— Ты куда так торопишься, Дана?

— Я закончила работу. Ты сам это видел.

Он смотрит на часы, затем на мои руки. Я прячу купюры в карман куртки, потому что его взгляд делает даже полученную оплату чем-то, за что мне сейчас придётся оправдываться.

— Твоя смена начинается в семь, — говорит он. — Ты получишь за неё тысячу восемьсот, если администратор снова не решит удержать за опоздание.

Я поднимаю на него глаза. Название кафе я писала только Елене, а об удержании не рассказывала вообще.

Матвей замечает мою реакцию и кладёт ладонь на дверь, которую я собиралась открыть.

— Теперь объясни мне, почему твои тысяча восемьсот должны интересовать меня больше, чем разговор, который ты вчера начала.

За его плечом стоит Алекс, а в нескольких шагах от нас Кирилл снова держит телефон. Я понимаю, что они ждут продолжения, и смотрю на часы, хотя уже знаю, сколько времени у меня осталось.

Матвей замечает и это.

— Дана, я всё ещё жду твой ответ.

Глава 3. Дана

Я смотрю на ладонь Матвея, прижатую к двери, и представляю, как пытаюсь сдвинуть её. Он даже не изменит положения, а Кирилл получит ещё одну запись, на которой я выгляжу смешной и беспомощной. За спиной Бессонова стоит Алекс, однако дверь по-прежнему остаётся закрытой.

— Мне важно попасть на работу, — отвечаю я. — Если я опоздаю, администратор поставит на моё место другую девушку. Ты получишь разговор, а я потеряю работу.

Матвей слегка наклоняет голову, словно наконец услышал что-то интересное.

— Ты умеешь объяснять, когда тебе действительно нужно.

Я чувствую, как внутри поднимается злость, но удерживаю её, потому что он всё ещё решает, когда я выйду. Алекс подходит ближе и переводит взгляд с его руки на лицо.

— Она ответила тебе, Мот.

Бессонов смотрит на него достаточно долго, чтобы я начала считать секунды. Потом убирает ладонь и открывает дверь. Я прохожу в подъезд, стараясь не задеть его плечом, и только возле лифта позволяю себе выдохнуть.

Алекс выходит следом и предлагает подвезти меня. Я отказываюсь, потому что должна заехать в общежитие, а он спокойно отвечает, что может сначала отвезти туда. Я всё

равно благодарю и нажимаю кнопку лифта. После квартиры мне хочется хотя бы дорогу провести без человека, который знает Беса и способен обсуждать с ним мои ответы.

На смену я опаздываю на двенадцать минут. Администратор спрашивает о причине перед другой официанткой, и я ссылаюсь на задержавшийся автобус. Он напоминает, что желающих работать хватает. До конца вечера я тороплюсь так, что дважды путаю столы, а перед закрытием заново пересчитываю оплату, опасаясь недостачи.

В общежитии я вытаскиваю из кармана две тысячи и кладу их возле ноутбука. Кирилл так и не переводит остаток. Я открываю переписку с Еленой, перечитываю обещания и сохраняю фотографии, на которых квартира ещё грязная. Они могут смеяться, но я хотя бы оставлю себе доказательство того, что действительно работала.

Утром я беру ноутбук в университет, чтобы закончить исправления между занятиями. Ирина Сергеевна согласилась принять расчёт в пятницу, и я хочу отправить файл заранее. После вчерашнего я проверяю расписание сразу в двух местах и прихожу к аудитории за двадцать минут до начала.

Внутри меня всю трясет. Предчувствие чего-то необратимого так и скребет. Мне хочется плакать, но я не даю себе пролить ни одной слезинки.

Матвея на занятиях нет. И я незаметно выдыхаю. Кристина сидит в другом конце коридора и демонстративно не замечает меня, а Кирилл проходит мимо с телефоном в руке.

Я слежу за его экраном, хотя понимаю, что такое внимание только выдаёт мой страх. До последней пары никто ко мне не подходит, и к вечеру я начинаю надеяться, что они нашли другое развлечение.

Одногруппница Варя просит показать, как я рассчитала расходы на персонал. Мы разбираем таблицу возле подоконника, но в коридоре выключают часть света и просят не задерживаться после занятий. Варя торопится к машине, поэтому я иду рядом с ней, удерживая раскрытый ноутбук обеими руками. Она фотографирует нужные строки, пока мы спускаемся по широкой лестнице к стоянке.

— Ты не учла подмену на выходные, — говорит она и показывает на одну из ячеек.

Я останавливаюсь, чтобы добавить пометку, и прижимаю край ноутбука к предплечью. Варя направляется к своему ряду, обещая прислать пример расчёта. Я провожаю её взглядом и замечаю возле соседней машины Матвея.

Он стоит у водительской двери, положив руку на дверцу. Кирилл что-то показывает ему в телефоне, а Кристина смеётся, прислонившись к капоту. Между ними и лестницей остаётся проход, через который мне нужно выйти к остановке.

Я закрываю таблицу, но не успеваю опустить крышку. Кристина замечает меня и выпрямляется.

— Наша помощница сегодня занята учёбой, — говорит она язвительно. — Дана, ты можешь ещё раз прислать фото-

графии? У меня остались вопросы к уборке.

— Ты можешь вернуть оставшуюся оплату, — отвечаю я, глядя на Кирилла.

Он убирает телефон в карман и делает шаг в мою сторону.

— Ты уже получила больше, чем заслужила.

Я пытаюсь пройти мимо, потому что сейчас у меня нет ни сил, ни желания снова обсуждать что-либо с ними. Кирилл отступает так, чтобы между ним и машиной осталось меньше места. Я поворачиваюсь боком, бережно прижимая ноутбук к груди, и чувствую его ладонь на своём плече.

Толчок происходит неожиданно.

Я теряю равновесие и ударяюсь бедром о край капота. Руки разжимаются раньше, чем я успеваю удержать ноутбук. Он вылетает вперёд, переворачивается и металлическим углом ударяет в нижнюю часть лобового стекла.

Резкий треск заставляет меня поднять голову. От точки удара расходятся белые линии, а ноутбук соскальзывает по капоту и падает на асфальт возле моего колена. Я опускаюсь за ним, пока он ещё не перестал качаться на сломанном шарнире.

Экран пересекает чёрная полоса. Крышка держится неровно, из края корпуса выступает кусочек пластика, и я осторожно подбираю его, будто возвращённая деталь может всё исправить. На открытом экране уже не видно таблицы.

— Ты совсем охренела? — спрашивает Кирилл над моей головой.

Я пытаюсь нажать кнопку включения, но Матвей вырывает ноутбук из моих рук раньше, чем я успеваю проверить, работает ли он. Я поднимаюсь и тянусь за ним.

— Верни, пожалуйста! Мне нужно посмотреть, что с ним!

Матвей смотрит на стекло. Его лицо меняется, и я впервые вижу, как исчезает привычная усмешка. Он проводит большим пальцем по повреждённому углу ноутбука, затем переводит взгляд на меня.

— Ты решила, что вчерашнего разговора было мало?

— Кирилл меня толкнул! Я не бросала его в машину!

— Она сама полезла между нами, — сразу отвечает Сомов. — Я вообще стоял на месте.

Я поворачиваюсь к нему, но он смотрит только на Матвея. Кристина тоже следит за Бессоновым, ожидая, какую версию он примет. Варя стоит в нескольких метрах от нас возле своей машины. Она видела хотя бы часть происходящего и ещё не успела сесть за руль.

— Варя, ты же видела, как он меня толкнул?

Она переводит взгляд на Кирилла, потом на Матвея. Я замечаю, как её пальцы сжимают ключи.

— Я уже отвернулась, Дана. Я только услышала, как что-то упало...

Поджимаю губы. Ну, конечно. По-другому и быть не может.

Матвей поворачивает ноутбук крышкой к себе и проверяет металлический край. Он не спрашивает Кирилла ни о

ладони на моём плече, ни о том, зачем тот перекрыл проход.

— Ты же все видел, — говорю я ему. — Ты стоял напротив.

Матвей поднимает глаза.

— Я вижу своё стекло, Дана.

Я смотрю на трещины, пытаясь представить обычную замену стекла, такую, за которую можно платить частями. На машине нет ни одной потёртости, даже диски выглядят так, словно на них никогда не попадала грязь. Здесь любая деталь стоит денег, которых у меня нет.

— Ты можешь проверить камеры, — предлагаю я. — На входе должна быть запись…

— Ты сейчас собираешься объяснить мне, как заниматься моей машиной?

Я опускаю взгляд на ноутбук в его руках. Кроме расчёта кафе, там лежат файлы двух заказчиков. Один уже внёс предоплату, второй обещал рассчитаться после правок. Копия в облаке относится к началу недели, а последние изменения я сохраняла только на компьютере. Если данные пропали, мне придётся не просто отказаться от заработка, но ещё и вернуть деньги.

Матвей достаёт телефон и отходит к водительской двери. Он называет модель машины и спрашивает о замене стекла вместе с установкой. Я слышу отдельные слова про датчики и срок поставки, но не могу разобрать ответ. Кирилл достаёт свой телефон, и я отворачиваюсь, чтобы он снова не снимал

моё лицо.

Бессонов заканчивает разговор и возвращается ко мне.

— Предварительно сто сорок тысяч. После осмотра скажут точно.

Я смотрю на него, не сразу понимая, что сумма относится ко мне. Вчера я почти час ждала полторы тысячи, которые мне всё равно не отдали. Сейчас Матвей называет сумму, ради которой придётся работать месяцами и тратить только на него.

— У меня нет такой суммы...

— Я знаю.

Он отвечает сразу, будто именно это и рассчитывал услышать. Я замечаю, что Кристина больше не смеётся. Она смотрит на Матвея с интересом, словно даже ей хочется понять, что он теперь сделает.

— Я могу переводить частями, — говорю я, хотя внутри всё сопротивляется этим словам. — Но я не виновата в том, что произошло!

Матвей чуть приближается. Я отступаю и упираюсь пяткой в край бордюра, поэтому дальше двигаться не могу. Он замечает это и останавливается на расстоянии, с которого мне приходится поднять подбородок.

— Чем ты собираешься расплачиваться?

— Я пытаюсь с тобой договориться…

Я ненавижу, что голос становится тише. Кирилл стоит рядом, и я понимаю, что он запомнит каждое слово, а потом

перескажет так, как ему удобно. Алекс мог бы хотя бы спросить, что произошло, но его здесь нет, а номера у меня до сих пор не было причины просить.

Матвей закрывает ноутбук, придерживая повреждённую крышку.

— Я отдам это человеку, который посмотрит, можно ли восстановить.

— Я сама отнесу его в ремонт…

Он удерживает ноутбук, когда я тянусь к нему, и я останавливаю руку на полпути. Матвей смотрит на мои пальцы, потом снова на лицо.

— Ты можешь сама оплатить и ремонт машины, если предпочитаешь решать всё самостоятельно.

Я вспоминаю две купюры возле кровати, деньги на проезд и ближайшую выплату стипендии. Даже если собрать всё, я не смогу купить себе другой компьютер. Матвей знает это по моему молчанию и больше не ждёт согласия.

Он открывает заднюю дверь и кладёт ноутбук в машину. Я слежу за ним, чувствуя, что вместе с повреждённой техникой он забирает возможность спокойно уйти. Теперь мне придётся обращаться к нему хотя бы ради файлов.

— У меня завтра гости, — говорит он. — Ты будешь работать.

— Я не смогу заработать сто сорок тысяч за вечер…

— Мы обсудим расчёт, когда я решу, что ты отработала достаточно.

Я смотрю на закрытую дверь машины и понимаю, что он уже перестал говорить о конкретной сумме. Кристина стоит рядом с ним, а Кирилл терпеливо ждёт, когда я соглашусь. Я пытаюсь представить, как ухожу сейчас, оставляя ноутбук и разговор незаконченными, но следом думаю о заказчиках, учёбе и следующем сообщении Матвея.

— Во сколько? — спрашиваю я.

Бессонов смотрит на меня так, словно всё это время ждал именно этих слов.

— Я приеду за тобой завтра в шесть. Ты будешь ждать у общежития.

— Я могу приехать сама.

Он кладёт ладонь на крышу машины и слегка наклоняется ко мне. От него веет опасностью. Внутри все сжимается от того насколько он близко… Мне практически приходится дышать его запахом… У меня начинает кружиться голова, и крутится мысль, что я не помню, когда ела в последний раз…

— Дана, я уже и так слишком много тебе позволил. Ты видишь, чем это закончилось?

Глава 4. Бес

Дана пишет мне в девять утра, когда я смотрю фотографии её разбитого ноутбука. Экран придётся менять, корпус повело возле шарнира, но файлы уже удалось достать. Я открываю одну из папок и вижу расчёт того самого кафе, которое она защищала перед нашей группой.

«Я могу приехать после десяти. Сегодня у меня смена, которую некому закрыть».

Она опять пытается объяснить, почему я должен подвинуть свои планы ради её работы. Вчера я очень ясно дал понять, что возражения не принимаются, и я не собираюсь возвращаться к этому разговору только потому, что за ночь она нашла новый аргумент.

Я отвечаю, что приеду когда посчитаю нужным, и откладываю телефон. Через минуту экран снова загорается.

«Тогда скажи, сколько часов работы ты зачтёшь за вечер. Я должна понимать, сколько останется».

Я смотрю на сообщение дольше, чем требуется, чтобы прочитать. Она упорно пытается получить цифру, за которой можно спрятаться от следующей встречи. Дана готова отдавать деньги, тратить вечера и терпеть мою компанию, если знает, когда всё закончится.

Я пока не решил, когда мне надоест.

В папке с расчётом лежит несколько версий файла. Она

сохранила исправления после защиты и добавила расходы, о которых я спрашивал. Я просматриваю таблицу, вспоминая, как она стояла перед экраном и пыталась говорить ровно. Тогда мне хватило одного вопроса, чтобы она начала смотреть на меня после каждого ответа преподше.

Я заметил её раньше, чем Кристина придумала историю с расписанием. Дана сидела возле окна и закончила задание первой, а потом отказалась отправить Кириллу готовый файл. Она объяснила ему, где взять исходные данные, и вернулась к своей работе. Сомов не привык, что девушка в потёртой куртке отказывает ему так спокойно, и весь оставшийся семинар цеплялся к ней по любому поводу.

Я наблюдал и не мешал. Она не такая, как все в моем окружении. Тем интереснее…

Через несколько дней я увидел её в кафе. Она обслуживала столик у окна, куда мы зашли после встречи, и делала вид, что не узнаёт никого. Администратор отчитывал её за опоздание в нескольких шагах от нашего стола. Дана стояла с блокнотом в руках и смотрела на его воротник, пока он объяснял, сколько удержит из оплаты.

Сомов потом смеялся, что она наверняка подбирала выражения, которыми наградит начальника за спиной. Я запомнил сумму и время, когда она вышла из подсобки. Вчера эти сведения пригодились.

Кирилл пишет и спрашивает, во сколько приезжать вечером. Я отвечаю, что жду его к восьми. Потом он ржет, будет

ли наша новая уборщица, и добавляет фотографию Даны из той квартиры.

Я открываю снимок. Она стоит возле ведра с поджатыми губами и смотрит на разлитый кофе. На фотографии хорошо видно, что она поняла розыгрыш и уже решает, сколько ещё готова терпеть ради обещанной оплаты.

Кир не затыкается даже в переписке и спрашивает про ноутбук: не хочет ли она забрать его и заодно снова обвинить Кирилла в происшествии на парковке.

Я видел, как он шагнул к ней, а потом внезапно оказался слишком далеко от машины, чтобы случайно задеть её плечом. Сомов слишком быстро начал оправдываться. Я мог заставить его объяснить всё прямо там, но тогда Дана забрала бы свой ноутбук и ушла с уверенностью, что ещё одна неприятность закончилась. А мне это совершенно не нужно. Я только начал свою игру.

Теперь у неё есть причина приехать.

Я пишу Кириллу, чтобы он не лез к компьютеру, и закрываю переписку. Он отвечает почти сразу, что понял. Сомов обычно понимает быстро, когда разговор касается моих вещей.

Ближе к обеду звонит Алекс. Как раз привезли ноутбук Даны.

— Ты действительно собрался заставить её платить за стекло? — спрашивает он вместо приветствия.

— Я предложил ей работу.

— После того, как Кирилл её толкнул?

Я откидываюсь в кресле и смотрю на ноутбук, который привезли из мастерской. На крышке остался след удара, а рядом лежит отдельный накопитель с восстановленными файлами.

— Ты вчера был на парковке?

— Я знаю Кирилла. И я видел, как вы развлекались до этого.

— Тогда спроси с него, если тебе так интересно.

Алекс молчит несколько секунд. Я уже представляю, как он выбирает следующий довод, и начинаю раздражаться. В квартире ему хватило двух тысяч из чужого кошелька, чтобы Дана посмотрела на него с благодарностью, будто он один оказался способен прекратить всё происходящее.

— Ты можешь просто оставить её в покое, Матвей.

— Она сама попросила договориться.

— Ты хорошо знаешь, почему она попросила.

Я перевожу взгляд на часы.

— Я занят, Веймер. Ты приедешь к восьми, и мы поговорим, если у тебя останутся вопросы.

Я заканчиваю звонок, прежде чем он успевает снова произнести её имя. Его интерес к Дане выглядит слишком настойчивым для обычного желания помочь. Она ещё ничего не сделала, чтобы он тратил столько времени на её проблемы, однако вчера он вышел вслед за ней, а сегодня уже требует от меня объяснений.

Он может сначала объяснить самому себе, зачем ему понадобилась эта роль. Веймер мой друг с детства. Он единственный, кто может высказать мне все, что думает о моей персоне и не отхватить за это в табло. У нас сильно различаются взгляды на жизнь, но мы почему-то упорно продолжаем поддерживать дружбу. Дружба ли это? Не знаю. Но лучше иметь Веймера на своей стороне, чем против меня.

Перед отъездом я звоню управляющей, которая отвечает за порядок в доме, и предупреждаю, что привезу девушку для обслуживания гостей. Она уточняет, работала ли та раньше, и я отвечаю, что Дана справится с подносом. Затем прошу приготовить короткую форму и объяснить ей обязанности до приезда остальных.

Повреждённая машина стоит в сервисе, поэтому я беру другую. Дана может радоваться, что ей не придётся смотреть на разбитое стекло всю дорогу, если вообще успеет заметить разницу. Я выезжаю заранее и останавливаюсь возле общежития без десяти шесть.

Она появляется почти сразу.

Я вижу её через лобовое стекло: Дана быстро спускается по ступеням, поправляя сумку на плече. Из сумки торчит край чёрной рубашки, в которой она работает. Она направляется к остановке и замечает машину только после того, как я открываю дверь.

На секунду она останавливается. Потом подходит, потому что другого способа пройти мимо у неё нет.

— Я же написала тебе про смену, — говорит она.

— Я прочитал.

Она смотрит на пассажирскую дверь, затем на меня. Я замечаю, как её пальцы сжимают ремень сумки. Дана явно готовилась к этому разговору и сейчас пытается вспомнить, что именно собиралась сказать.

— У меня завтра нет работы. Я могу приехать утром и выполнить другую работу по дому.

— Мне нужна помощь сегодня, — забавно наблюдать, как она держит себя в руках.

— Ты можешь нанять человека на один вечер. Я переведу тебе то, что получила бы за смену…

Я закрываю водительскую дверь и подхожу ближе. Она перестаёт смотреть на машину и поднимает глаза на меня. В них уже появляется знакомая злость, которую вчера удалось заглушить разговором о деньгах.

— Ты собираешься отдать мне тысячу восемьсот и решить, что мы закончили?

— Я собираюсь сохранить работу. Ты знаешь, что меня могут убрать из графика!

— Тогда тебе стоило договориться с администратором заранее.

Её лицо меняется. Дана отступает на полшага, и я понимаю, что сейчас она попытается уйти, пока разговор не стал хуже. Я намеренно оставляю ей место, чтобы посмотреть, какое решение она примет.

— Я не поеду с тобой, — говорит она. — Я верну деньги частями, как предлагала вчера.

Она произносит это достаточно громко, чтобы услышали две девушки возле входа. Одна из них замолкает, держа телефон у уха. Дана замечает её внимание и делает ещё один шаг к ступеням.

— Мой ноутбук останется у тебя до расчёта. Ты можешь считать его залогом, — голос слегка дрожит, но меня этим не проймешь.

Я смотрю на её сумку. Она только что решила отдать мне вещь, которая нужна ей для учёбы и заработка, лишь бы сейчас уйти. Возможно, утром она всё равно напишет и начнёт просить файлы, но сегодняшний отказ останется между нами. Следующий дастся ей легче.

— Ты закончила объяснять? — спрашиваю я.

— Матвей, я хочу уйти!

Она опять оглядывается на вход, и я понимаю, чего ждёт. Кто-нибудь может спросить, всё ли в порядке, и тогда ей придётся пожаловаться. На меня. Дана пока только надеется, что присутствия людей будет достаточно.

— Кричи, если хочешь, — говорю я, подходя к ней. — Ты сможешь заодно объяснить, почему передумала платить за мою машину.

Она успевает отступить ещё на шаг, прежде чем я подхватываю её и забрасываю на плечо. Сумка соскальзывает вниз, и Дана судорожно удерживает ремень. Её возмущение вспы-

хивает сразу, без прежней осторожности.

— Поставь меня на землю! Ты не можешь так делать!

Она пытается вывернуться, ударяет ладонью по моей спине и снова требует отпустить. Я иду к машине, злясь на сопротивление и одновременно понимая, что теперь она говорит только со мной. Все ее внимание принадлежит только мне. И никому больше. Её смена, администратор и попытки уйти отступают перед необходимостью заставить меня остановиться.

Позади спрашивают, что происходит. Я не оборачиваюсь. Дана поворачивает голову к входу и отвечает, что я не отпускаю её, но никто не подходит достаточно близко, чтобы вмешаться.

Я ставлю её возле открытой пассажирской двери. Она прижимается спиной к машине, удерживая сумку перед собой, и смотрит на меня так, словно ждёт следующего движения. Вжимает голову в плечи, словно ждет удара. Я вижу, что она испугалась сильнее, чем собиралась показать.

— Ты сядешь сама, — говорю я.

— Я никуда с тобой не хочу!

— Мы уже обсудили, куда ты поедешь.

Она смотрит мимо меня на общежитие. Девушки всё ещё стоят возле входа, но одна уже отвернулась к своему телефону. Я остаюсь перед Даной и жду, пока она снова посмотрит на меня. *Посмотри на меня!*

Она садится, продолжая сжимать сумку.

Первые несколько минут дороги Дана молчит. Я выезжаю на проспект, а она достаёт телефон и долго смотрит на экран, прежде чем написать сообщение. Пальцы двигаются медленно. Она наверняка пытается объяснить администратору, почему сегодня не придёт, не упоминая человека за рулём.

— Что мне нужно будет делать? — спрашивает она, убирая телефон.

— Тебе объяснят в доме. Ты будешь обслуживать гостей.

— Там будут Кристина и Кирилл?

Я поворачиваю голову, и она сразу понимает ответ. Дана смотрит в окно, прижимая ладонь к ремню сумки.

— Ты знал, что вчера они не собирались платить мне за уборку?

— Ты получила деньги.

— Я получила часть. И они снимали меня, пока я пыталась забрать остальное!

Я вспоминаю, как она поблагодарила Алекса, и крепче сжимаю руль.

— Сегодня ты будешь работать у меня. Ты можешь обсуждать расчёт со мной. Я сам решу, как именно и когда ты рассчитаешься.

Она замолкает, а я позволяю тишине продлиться. Дана больше не пытается спорить о поездке, но я вижу, как внимательно она следит за дорогой. Когда мы сворачиваем с проспекта, она подаётся вперёд.

— Где твой дом?

— Мы скоро приедем.

— Во сколько я смогу уйти?

Я смотрю на неё и понимаю, что именно этот вопрос занимал её с того момента, как она села в машину. Дана может пережить встречу с Кристиной, работу перед компанией и необходимость снова просить оплату, если получит время, после которого я уже не смогу удерживать её разговором.

— Ты вернёшь мне ноутбук после вечера? — добавляет она, когда я не отвечаю.

Я снижаю скорость перед поворотом к дому.

— Ты получишь его после отработки, Дана.

Она поворачивается ко мне, и я наконец получаю тот самый взгляд, ради которого я все это затеял. И я говорю ей то, что вряд ли ей понравится.

— А время, когда закончится твоя отработка, определю я.

Ты никуда от меня не денешься, Дана.

Глава 5. Дана

Когда машина останавливается перед воротами, я смотрю на часы и понимаю, что моя смена уже начинается. Телефон лежит на коленях экраном вверх. Администратор прочитал сообщение, в котором я просила заменить меня, но пока не ответил. Я представляю, как он убирает моё имя из графика, и пальцы сами тянутся написать ещё одно объяснение.

Матвей опускает стекло, коротко разговаривает с человеком у въезда, и ворота открываются. За ними начинается широкая дорожка между ухоженными деревьями. Дом стоит достаточно далеко от улицы, чтобы отсюда не было видно людей, которые могут просто проходить мимо.

Я пытаюсь запомнить повороты, хотя не представляю, зачем мне это понадобится. Матвей замечает, как я оглядываюсь, но ничего не спрашивает.

В доме нас встречает женщина в тёмных брюках и светлой блузке. Она смотрит сначала на него, потом на меня, и я жду хотя бы вопроса о том, почему у меня такое лицо. Вместо этого она сообщает, что напитки привезли и стол почти готов.

— Нина Павловна покажет тебе, что делать, — говорит Матвей. — Ты переоденешься и вернёшься сюда.

Он уходит по коридору, оставляя меня возле входа. Женщина предлагает пройти за ней и открывает небольшую ком-

нату рядом с кухней. На стуле лежат короткое чёрное платье и белый передник. Я смотрю на них, потом на свою сумку, из которой торчит рабочая рубашка.

— Я могу работать в своей одежде, — говорю я.

— Матвей попросил приготовить форму. Здесь есть шкаф, где ты оставишь вещи.

Нина Павловна произносит его имя без раздражения и без попытки оправдать. Она привыкла выполнять просьбы, которые в этом доме ничем не отличаются от распоряжений. Я понимаю, что объяснять ей свою историю бессмысленно, однако всё равно медлю, прежде чем взять платье.

Телефон вибрирует, когда я снимаю куртку.

«На сегодня нашли человека. По поводу следующих смен поговорим завтра».

Я перечитываю ответ администратора и пишу, что больше такого не будет. Затем стираю сообщение, потому что не могу этого обещать. Матвей ещё не сказал, сколько вечеров потребует, а я уже вынуждена договариваться о работе так, будто распоряжаюсь собственным временем.

Платье оказывается впору, но едва прикрывает попу. Это настолько ужасно, что я внутренне содрогаюсь при мысли, как на меня будут пялиться. Передник приходится завязать потуже, и я несколько раз поправляю узел, чтобы руки были заняты. В зеркале над раковиной отражается девушка, которая приехала в чужой дом обслуживать людей, смеявшихся над ней два дня подряд. Я отворачиваюсь прежде, чем успе-

ваю заплакать.

Нина Павловна показывает кухню, подносы и посуду. Она объясняет, какие напитки приготовлены, куда складывать использованные бокалы и какие двери ведут в служебную часть. Я слушаю внимательно, цепляясь за понятные обязанности. В кафе я умею работать даже после тяжёлого дня; если здесь получится сосредоточиться на том же, вечер хотя бы не превратится в очередную запись в телефоне Кирилла.

Матвей появляется, когда я расставляю чистые бокалы. Он переоделся в тёмную рубашку и остановился у стола так близко, что я вынуждена повернуться к нему.

— Ты поняла, что нужно делать?

— Я работаю в кафе. Ты же знаешь...

Его взгляд задерживается на переднике, затем поднимается к моему лицу.

— Тогда у нас не должно быть проблем.

Я хочу спросить про ноутбук, но в холле раздаётся звонок. Матвей поворачивается к двери, а я поднимаю поднос. Пока он занят гостями, мне проще делать то, за чем я приехала.

Кристина замечает меня почти сразу. Она замирает рядом с Кириллом, потом смотрит на Матвея и улыбается. Я вижу, как быстро они понимают новое положение вещей, и стараюсь поставить бокалы на стол без звона.

— Ты всё-таки нашёл ей занятие, — говорит Кирилл. — Я думал, она сегодня опять будет спорить о расчёте.

Матвей принимает у одного из гостей пакет и не отвечает.

Его молчания хватает, чтобы Сомов продолжил.

— Дана, ты можешь попробовать на нас своё меню. Ты же собираешься открывать кафе.

— Это был учебный проект, — отвечаю я.

— Я помню. Ты очень убедительно рассказывала, откуда возьмутся деньги.

Кристина протягивает мне свой бокал и просит заменить напиток. Я забираю его и возвращаюсь на кухню, понимая, что они будут использовать любую мою реплику.

Гости приезжают один за другим. В гостиной становится теснее, музыка громче, а мне приходится проходить между людьми, которые двигаются, не замечая подноса. Кто-то просит принести лёд, кто-то возвращает почти полный бокал, потому что передумал. Я собираю посуду и выполняю просьбы, стараясь не останавливаться рядом с компанией Кирилла.

Одна из девушек спрашивает, правда ли я разбила Матвею стекло. Я объясняю, что меня толкнули, и сразу замечаю, как она ищет глазами хозяина дома. Её интерес к моему ответу исчезает, когда он проходит мимо, даже не повернув головы.

Через час у меня начинает болеть плечо от подноса. Я ставлю его на кухонный стол и разминаю пальцы, пока Нина Павловна проверяет оставшиеся закуски. Она спрашивает, справляюсь ли я, и я отвечаю, что всё нормально. Матвей появляется прежде, чем я успеваю взять воду.

— Принеси ещё напитки в гостиную.

— Я сейчас вернусь.

Он смотрит на стакан, к которому я потянулась, и остаётся возле двери. Я понимаю, что он ждёт, пока я сама откажусь от короткой передышки. Я беру поднос, а воду оставляю на столе.

Матвей пропускает меня вперёд. Когда я прохожу мимо, он спрашивает достаточно тихо, чтобы услышала только я:

— Ты уже хочешь закончить?

Я продолжаю идти, потому что любое объяснение вернёт нас к разговору в машине. Он знает, что я устала, и всё равно хочет, чтобы я попросила.

Алекс стоит возле окна, когда я возвращаюсь в гостиную. Я замечаю его не сразу, а после того, как он обращается ко мне по имени. Он берёт с подноса воду, оглядывает форму, задерживает взгляд на моих ногах и переводит взгляд на моё лицо.

— Ты давно здесь?

— Матвей привёз меня около семи…

— Он сказал, когда отвезёт обратно?

Я качаю головой. Алекс смотрит через моё плечо на Бессонова, который разговаривает с гостями возле стола. Я боюсь, что сейчас он начнёт выяснять отношения при всех, однако он снова поворачивается ко мне.

— Я сегодня не пью. Когда закончишь, отвезу тебя в общежитие.

Я смотрю на него, пытаясь понять, насколько серьёзно он говорит. После машины и разговора об отработке возможность уехать с человеком, который сам назвал место назначения, кажется почти достаточной, чтобы выдержать остаток вечера.

— Ты не будешь спрашивать у него разрешения? — уточняю я.

Алекс слегка меняется в лице.

— Я предложил тебе дорогу домой, Дана. Ты можешь согласиться.

— Тогда я согласна.

Он протягивает телефон, чтобы я записала номер. Я ставлю поднос на соседний столик и называю свой, поскольку мой аппарат остался в комнате с вещами. Алекс набирает его и показывает завершённый вызов.

Матвей смотрит на нас от камина. Я замечаю его взгляд раньше, чем Алекс убирает телефон, и снова поднимаю поднос. Теперь у меня хотя бы будет номер человека, к которому можно обратиться, если обещанное окончание вечера так и не наступит.

Кристина зовёт меня, когда я собираю бокалы возле дивана. Она сидит рядом с двумя девушками и просит помочь с застёжкой браслета, которая зацепилась за тонкую ткань рукава.

— Я сейчас принесу тебе воду, — говорю я, потому что руки заняты посудой.

— Сначала ты поможешь мне с этим.

Я ставлю поднос на столик и осторожно освобождаю ткань. Металл холодит пальцы, а Кристина продолжает разговаривать с подругами, словно я перестала присутствовать в комнате. Она опускает руку, проверяет застёжку и просит ещё салфетки.

Я достаю их из кармана передника. Кристина берёт верхнюю, остальные скользят вниз. Я наклоняюсь за ними и слышу, как одна из девушек спрашивает, сколько стоит замена стекла у Матвея. Когда я выпрямляюсь, Кристина уже смотрит в другую сторону.

Я собираю бокалы и ухожу, радуясь хотя бы нескольким минутам на кухне.

Нина Павловна просит меня принести чистые салфетки из комнаты, где я переодевалась. Я оставляю поднос и быстро проверяю телефон. Никаких новых сообщений от администратора нет, зато в списке вызовов появился незнакомый номер. Я сохраняю его под именем Алекса и возвращаюсь в коридор с пачкой салфеток в руках.

Из гостиной доносится голос Кристины.

— Я положила его здесь. Ты точно не убирала со стола?

Я останавливаюсь на пороге. Она стоит возле дивана, а девушки рядом заглядывают под подушки. Кирилл держит телефон опущенным, но экран светится. Матвей выходит из-за стола и смотрит на Кристину.

— Что ты ищешь?

— Браслет! Я сняла его раньше и оставила рядом с бокалом!

Она поворачивается ко мне. Я успеваю вспомнить застёжку и её рукав, но Кристина уже указывает на столик.

— Ты забирала посуду отсюда?

— Я отнесла её на кухню.

— Вместе с браслетом?

Я прижимаю пачку салфеток к переднику и смотрю на Матвея. Он не задаёт ей вопросов о том, зачем снимать украшение и когда именно она это сделала. Он смотрит на меня, и ждет ответа.

— Я его не брала.

Кирилл приближается к столику.

— Она выходила в комнату, где лежит её сумка. Можно посмотреть там.

В гостиной становится тише. Кто-то убавляет музыку, и теперь я слышу, как Кристина говорит, что браслет дорогой и случайно потерять его невозможно. Я понимаю, что она уже предлагает всем готовое объяснение.

Алекс появляется рядом с Матвеем и спрашивает, проверили ли кухню. Кристина отвечает, что столик находился здесь и никто больше к нему не подходил. Я открываю рот, но Матвей делает шаг ко мне.

— Ты сейчас покажешь карманы, Дана.

Я смотрю на передник. Там лежат только салфетки, которые я подобрала возле дивана. Если выложу их, он увидит,

что Кристина снова врёт, и у неё не останется повода отправлять кого-то к моей сумке.

Я ставлю пачку на ближайший стол и опускаю руку в карман. Пальцы касаются бумаги, затем чего-то твёрдого под ней. Я цепляю салфетки и вытаскиваю их, а вместе с ними наружу скользит тонкая цепочка.

Браслет падает на пол между мной и Матвеем...

Кристина произносит моё имя, но я слышу только металлический звук, с которым украшение ударилось о камень. Я смотрю на свои руки, всё ещё удерживающие салфетки, и пытаюсь понять, когда это произошло.

Матвей наклоняется и подбирает браслет. Когда он выпрямляется, я уже знаю, что объяснение придётся адресовать ему, хотя Кристина стоит в двух шагах и отлично знает ответ.

— Матвей, я его не брала...

Он прячет украшение в ладони и смотрит мне в лицо. У меня мороз по коже и очень дурное предчувствие…

— Ты пойдёшь со мной, Дана. И объяснишь мне это без зрителей.

Глава 6. Дана

Матвей берёт меня за запястье раньше, чем я успеваю сказать что-нибудь ещё. Кристина отступает, освобождая проход, и я замечаю, как она смотрит на его руку. Несколько минут назад мне хотелось, чтобы он вмешался и прекратил обвинения. Теперь я пытаюсь понять, куда он собирается меня вести и почему не позволяет объясниться здесь.

Алекс делает шаг к нам.

— Ты можешь спросить её при всех, Матвей.

Бес останавливается, не выпуская моего запястья.

— Я сам решу, где с ней говорить.

Я поворачиваюсь к Алексу, но Матвей уже ведёт меня в коридор. Мне приходится ускорить шаг, чтобы не споткнуться. За спиной Кристина начинает кому-то рассказывать, что никогда бы не подумала обо мне такого, и я хочу вернуться, заставить её замолчать, потребовать повторить всё, глядя мне в глаза. Матвей открывает дверь возле кухни, за которой начинается лестница вниз.

Я останавливаюсь на верхней ступени.

— Я не хочу туда идти…

Он поворачивается ко мне, и его пальцы чуть крепче сжимаются на моей руке.

— Ты хотела объяснить, откуда у тебя браслет. Сейчас ты объяснишь.

Я смотрю за его плечо на освещённый коридор, где ещё могу увидеть проходящих людей. Потом он тянет меня за собой, и я спускаюсь, держась свободной рукой за перила. Мне страшно от того, что я не знаю, что он собирается сделать..

Матвей отпускает мою руку, пропуская меня вперёд. Я спускаюсь до конца и останавливаюсь возле длинного стола. Вдоль стены стоят винные шкафы со стеклянными дверцами, рядом сложены пустые ящики. За спиной закрывается дверь, музыка становится глуше, и я сразу перестаю различать голоса.

Он спускается последним и останавливается между мной и лестницей.

— Ты можешь начинать.

Я растираю запястье и стараюсь собрать слова в правильном порядке.

— Она попросила помочь с рукавом. Браслет зацепился, и я освободила ткань. Потом она попросила салфетки. Они упали, я наклонилась за ними, а она стояла рядом.

— Ты видела, как она положила его тебе в карман?

— Я смотрела на пол.

Матвей кладёт браслет на стол. Цепочка тихо скользит по гладкой поверхности, и я невольно отступаю, словно он может потребовать снова взять её в руки.

— Тогда ты сейчас предполагаешь, — говорит он.

— Я знаю, что ничего не брала.

— Ты знаешь, сколько стоит эта вещь?

Я качаю головой. Он следит за моим лицом, и я понимаю, что ответ ему не нужен. Он напоминает, какой ещё долг может появиться у меня после этого вечера.

— Ты можешь спросить девушек, которые сидели рядом! Они видели, как я помогала ей с застёжкой!

— Они уже видели, как украшение выпало у тебя из кармана.

Я смотрю на закрытую дверь над лестницей. Если сейчас он вернётся наверх и скажет, что я призналась, никто даже не спросит меня. Кристина получит новую историю, Кирилл разошлёт запись, а завтра люди в университете будут прятать вещи, когда я подойду к их партам.

— Ты поэтому меня сюда привёл? — спрашиваю я. — Чтобы я согласилась с тем, что тебе удобнее услышать? Алекс знает, что я здесь…

Его лицо становится жёстче. Глаза становится злыми, наливаются яростью.

— Ты считаешь, что он должен прийти и забрать тебя?

Я сглатываю, чувствуя сухость в горле. Стакан воды так и остался на кухне, а я всё ещё помню, как отказалась от него под взглядом Беса. Сейчас мне хочется, чтобы хоть кто-то пришел вслед за нами.

— Я могу закричать….

Матвей чуть поворачивает голову к лестнице, будто прислушивается к музыке, а потом снова смотрит на меня.

— Кричи, Дана. Ты ведь видела, кто остался наверху.

Бес надвигается на меня медленно и неотвратимо. Мне некуда деваться. Из этого подвала только один выход. И он за спиной этого чудовища. Широкая накаченная грудь тяжело вздымается. Челюсть стиснута, ноздри раздуваются, как у быка. Злой как черт! Нет, сам дьявол! Почему он злится? Из-за Алекса?

Шаг назад, еще, аккуратно. Если молчать, можно многого избежать. А лучше даже в глаза ему не смотреть. Но я не могу, он словно заворожил!

Матвей Бессонов – мой личный кошмар, от которого мне некуда деться. Ни одного варианта не существует. Он все для этого сделал. Все уничтожил. Теперь я понимаю это отчетливо. Превратил меня в свою рабыню. И его не волнует, что крепостное право давно отменили.

Вообще-то Матвей красивый молодой мужчина. Не парень, нет. Именно мужчина. С дикой харизмой и влиянием на всех окружающих. Дана! Хватит восхищаться им, боже! Он чудовище! Отвратительное, мерзкое чудовище с идеальной внешностью!

Вся моя холодная решимость и выдержка, весь мой цинизм и рациональность летят к чертям в этом подвале. Мне не выбраться отсюда…

Еще шажок и я вдруг упираюсь в стол. Все. Дальше хода нет. Съеживаюсь внутри, каменею. Сжимаюсь в ожидании. Что сейчас он сделает? Ударит? Схватит за волосы? Поцелует силой? Он может сделать все, что ему вздумается. Я во-

обще не понимаю, чего он ко мне привязался…

Подходит близко-близко. Я зажмуриваю глаза. Чувствую, как катится слезинка по щеке, но не смею вытирать. Руками сжимаю передник формы, в которую он меня и нарядил.

Грудью чувствую, как он прижимается ко мне. Чувствую, как смотрит сверху вниз. Он выше меня на голову, если не больше. В нос бьет запах его парфюма вперемешку с его настоящим запахом тела. По-настоящему мужским. От которого крышу сносит, и ты уплываешь куда-то далеко по волнам безумия. Я наверное мазохистка. Стараюсь не дышать. Меня словно окатывает ледяной водой. Зря, зря я так с ним разговаривала, зря надеялась на здравомыслие...

Слышу, как он дышит. Как свирепый зверь. Да он и есть зверь! Настоящая зверюга! Ненавижу его!

— Чего ты хочешь от меня? — голос подводит, меня трясет, и я смотрю прямо в его грудь, боясь поднять глаза.

Он хватает меня за подбородок цепко и дергает вверх. Теперь мы глаза в глаза.

— На меня смотри, когда говоришь! — рявкает Бес.

— За что ты так со мной? — шепчу, чувствуя как катятся слезы.

Он разглядывает мое лицо, затем ведет носом по скуле от подбородка до уха.

— Никакой Алекс тебе не поможет, потому что ты моя, и только мне решать, что с тобой будет, — цедит он тихо, аж слышно, как зубы скрипят.

Хватает меня за плечи и разворачивает спиной к себе. Вздрагиваю от неожиданности и по инерции дергаюсь.

— Стой смирно, - приглушенно рычит Бес, выворачивая мне руки и сковывая своей большой ладонью оба моих запястья за спиной. – Ноги раздвинь, - толкается коленом между ног.

Глава 7. Бес

Ее хрупкое тело в моих руках. Ладони горят от ощущений, когда я свободной рукой провожу по бедру, дохожу до живота и вминаю пальцы в плоть сквозь ткань. Дана делает судорожный вдох и следом всхлип. Я утыкаюсь подбородком в изгиб ее шеи. Мои губы совсем рядом с ее ухом и я не могу удержаться, чтобы не укусить мочку уха. Она не носит сережки, даже уши не проколоты.

От легкого укуса она дергается, вскрикивает негромко и одновременно совершенно неосознанно вдавливается своей попкой мне в пах. Там и так все давно стоит колом и нацелено только на нее. Но просто трахнуть мне мало. Это можно с кем угодно другим.

— Матвей… — шепчет она отчаянно.

— Что принцесса? — накрываю рукой ее грудь, и Дана дергается еще сильнее, делая только хуже.

— Зачем ты это делаешь…— она пытается вырвать руки, ударяется тазом о стол и жалобно пищит.

Отхожу от стола подальше. Моей принцессе не должно быть больно. Только не так. Мне нужны ее эмоции, которые она запихала куда-то внутрь себя. Она так похожа на мою мать…Только в этом, не внешне…

Мне позарез нужно вытащить это все из нее. Мы разобьемся вместе, а потом соберем друг друга по частям. Мы

оба сломаны, я это точно знаю.

Моя рука все еще на ее груди. Она так хорошо помещается в ладонь. Но мне нужно кое-что проверить… Дана всхлипывает, не отбивается, не просит больше ни о чем.

Веду ладонью вниз и прямо через короткую юбку формы накрываю рукой ее промежность. Дана дергается резко, как от удара током.

— Нет! Нет, нет…

Освобождаю ее руки и тут же закрываю ей рот. Несильно, чтоб не оставлять следов на ее красивом лице. Вторая ладонь там же на юбке. Дана мычит. А я… Не могу остановиться. Мне крышу сносит от ее запаха, от ее присутствия. Я хочу, чтобы она моей только была! Чтоб на меня смотрела! Чтоб я был для нее всем!

Руку заливают ее слезы, когда я уже задираю юбку и касаюсь трусиков. Дана каменеет в момент и ее начинает бить крупной дрожью. Нет, это уже совсем не то. Мне нужно совсем другое…

Я разворачиваю её к себе и вижу, как Дана тут же ищет глазами лестницу. Она всё ещё ждёт, что наверху откроется дверь и появится Веймер. Даже сейчас, когда мои руки лежат у неё на плечах, она умудряется смотреть мимо меня.

Я поворачиваю её лицо за подбородок.

— Ты будешь смотреть на меня!

Она поднимает глаза. Я вижу злость сквозь слёзы и задерживаюсь, разглядывая её дольше, чем нужно. Я уже знаю, как

меняется её лицо, когда она сдерживает ответ, как она сжимает губы, прежде чем возразить, и куда прячет руки, когда боится выдать дрожь.

Ее натурально колотит, взгляд плывет.

— Что он тебе обещал?

— Матвей, я хочу уйти…

— Ты ответишь на мой вопрос!

— Он предложил отвезти меня домой…

— И ты сразу согласилась.

— Я согласилась бы уехать с любым, кто сейчас откроет эту дверь.

Я чувствую, как злость поднимается выше, заставляя стиснуть зубы. Дана замечает перемену и замолкает, но я уже услышал достаточно. Она готова ухватиться за первого человека, который уведёт её от меня, и считает, что может сказать это мне в лицо. Я все еще держу ее, и не знаю чего мне хочется больше — схватить ее, утащить в спальню и вытрахать все мысли, либо упасть на колени и просить, просить, просить…

Несколько дней назад я нашёл сообщение в общем чате и открыл фотографию. На ней Дана смотрела в камеру без привычной осторожности, сидя возле окна с книгой на коленях. Я увеличил снимок, потом закрыл, а через час открыл снова. Вечером я проверил, когда она последний раз заходила в сеть.

— Я тебе не принадлежу, — говорит она несмело, неуве-

ренно, словно сама пытается себя в этом убедить.

— Я уже выбрал тебя, Дана. Ты можешь перестать ждать, что я передумаю.

Она медленно качает головой.

— Я тебя не выбирала.

— Не буду врать, что это неважно. Ты можешь злиться на меня сколько захочешь. Но всё равно останешься рядом.

— Почему ты решил, что можешь это требовать? — голос дрожит, также как она вся.

— Потому что я хочу тебя здесь.

Она замирает, будто ждала другого объяснения. Я вижу, как она пытается найти за моими словами условие, срок или хотя бы обещание, после которого сможет уйти. Ничего из этого я ей не дам.

Я уже решил, что она будет приезжать. Я буду видеть её в университете, писать, когда захочу, и получать ответ. Я запомнил, на какой автобус она садится после занятий, и сегодня успел разозлиться на пустой экран телефона ещё до того, как она прислала новое сообщение.

Теперь мне достаточно нескольких секунд, в которые она смотрит на дверь, чтобы снова захотеть развернуть её лицо к себе. Нет, без меня она из этого дома не выйдет.

— Матвей, пожалуйста, отпусти…

Я опускаю голову и на мгновение утыкаюсь лицом ей в шею. Дана сразу замирает. Поднимаю голову и вижу, что она смотрит прямо перед собой, боясь даже повернуться.

Я замечаю её страх, но остаюсь рядом. Она должна понять, что разговора, после которого я передам её Веймеру и пожелаю хорошей дороги, сегодня не будет.

— Ты будешь говорить со мной, когда тебе что-то понадобится. Ты поняла?

— Я поняла, что ты всё равно сделаешь по-своему.

— Ты сейчас смотришь на меня так, будто я тебе противен.

Дана поднимает глаза. Несколько секунд она молчит, и я вижу, как она выбирает между ответом и безопасностью.

— Ты меня пугаешь…

Она неловко переступает с ноги на ногу. Делает резкий вдох и бледнеет.

— Дана, посмотри на меня!

Я успеваю подхватить её, когда она закрывает глаза и начинает падать. Она оказывается у меня на руках и не шевелится.

— Дана?

Её голова запрокидывается, и я торопливо подставляю ладонь под затылок. Я опускаюсь вместе с ней на колено, и поворачиваю лицо к себе.

— Ты слышишь меня?

Она не открывает глаза.

Я зову громче, придерживая её голову, и смотрю на побледневшие губы. Я хочу услышать хотя бы одно слово, любое требование, очередное упрямое «отойди». Она остаётся

неподвижной, и я больше не могу понять, сколько времени прошло с того момента, как она перестала отвечать.

Дверь наверху распахивается с грохотом. Алекс сбегает по лестнице и останавливается на последней ступени, увидев её у меня на руках.

— Что произошло?

Я поднимаю на него глаза. Он уже идёт к нам, смотрит на лицо Даны и опускается рядом, протягивая к ней руки.

— Что ты с ней сделал, Бес?!

Глава 8. Бес

Я перехватываю руку Алекса раньше, чем он успевает коснуться Даны. Он переводит взгляд на мои пальцы, потом на лицо, и я слышу собственный голос, низкий и почти сорванный:

— Ты её не заберёшь!

— Ей нужен врач, Матвей!

— Я сам вызову врача! Сам её отнесу.

Я поднимаюсь, придерживая её голову, и Алекс вынужден отступить, чтобы я не задел его. Дана не открывает глаз. Я чувствую вес её руки, повисшей вдоль моего предплечья, и никак не могу совместить эту неподвижность с девушкой, которая несколько минут назад пыталась оттолкнуть меня.

На лестнице она шевелится. Я останавливаюсь, жду, пока она приоткроет глаза, и наклоняю голову, чтобы она увидела меня.

— Дана, ты слышишь?

Она слабо кивает. Я продолжаю подниматься, потому что теперь хочу как можно быстрее положить её, увидеть, что она может говорить, и заставить замолчать музыку, которая всё ещё гремит в гостиной.

Кристина первой замечает нас в дверях. Она встаёт с дивана, но я прохожу мимо, не позволяя ей даже задать вопрос. Нина Павловна выходит из кухни, видит Дану и сразу на-

правляется к лестнице вместе со мной.

— Открой мою спальню, — говорю я. — И принеси телефон из кабинета.

Дана пытается поднять голову, когда я кладу её на кровать. Я придерживаю её за плечо, но она вздрагивает, и я сразу убираю руку. Она смотрит на меня несколько секунд, будто не понимает, почему я всё ещё здесь, затем закрывает глаза.

Я отступаю от кровати, Нина Павловна протягивает мне телефон, и я набираю начальника безопасности.

— Роман, мне нужен Леонид Аркадьевич. Привези его ко мне как можно быстрее.

— Что случилось?

— Девушка потеряла сознание. Сейчас пришла в себя. Я жду вас дома.

Я кладу телефон на тумбочку и смотрю на Дану. Она лежит в форме, которую я приказал для неё приготовить, и держит руки перед собой, словно до сих пор ждёт, что я снова схвачу её.

— Побудьте с ней, — прошу я Нину Павловну. — Я сейчас вернусь.

Внизу кто-то смеётся. Этот звук действует так, что я выхожу из комнаты и спускаюсь почти бегом.

— Вы все уезжаете, — говорю я, остановившись в дверях гостиной.

Кирилл поворачивается с бокалом в руке.

— Бес, что случилось? Она опять устроила сцену?

Я подхожу к нему, и усмешка исчезает прежде, чем я оказываюсь рядом.

— Ты сейчас закроешь рот и выйдешь из моего дома.

Он пытается что-то сказать, но я выбиваю телефон из его ладони на диван, когда вижу, что тот снова поднят в сторону лестницы.

— Ты закончил снимать! Ты вообще закончил всё, что связано с ней!

Музыка обрывается. Кто-то уже идёт за курткой, кто-то смотрит на меня, ожидая объяснений. Я перевожу взгляд с одного лица на другое и понимаю, что ещё несколько минут их присутствия заставят меня сорваться окончательно.

— Я сказал, что вечер закончился. Выходите.

Кристина подходит ко мне, пока остальные собираются в прихожей.

— Ты нас выгоняешь из-за этой воровки?

Я смотрю на неё и вспоминаю, как позволил им всё это, и сейчас её уверенность в своей правоте злит особенно сильно.

— Ты завтра объяснишь мне, зачем устроила представление. Сейчас ты уйдёшь.

— Я ничего не устраивала!

— Кристина, ты хочешь выйти сама или дождёшься охраны?

Она отступает, глядя на меня с таким возмущением, будто я нарушил договорённость, которую раньше не приходилось

произносить вслух. Я дожидаюсь, пока она заберёт сумку, и звоню человеку у ворот. Приказываю проверить, что все гости покинули территорию.

Алекс остаётся у лестницы.

— Тебя это тоже касается, — говорю я.

— Я подожду врача.

— Я уже вызвал его.

— Тогда я поговорю с Даной, когда он её осмотрит.

Я останавливаюсь перед ним, закрывая путь наверх. Веймер смотрит мне в лицо и не двигается, хотя прекрасно видит, насколько я близок к тому, чтобы убрать его с дороги силой.

— Ты не пойдёшь к ней.

— Она просила отвезти её домой. Я обещал.

— Я разберусь с её дорогой домой!

— Ты уже разобрался, Матвей. Она теперь лежит в твоей спальне, а ты опять решаешь, кто может с ней говорить.

Я делаю шаг вперёд. Алекс остаётся на месте, и несколько секунд мы смотрим друг на друга так, как ещё никогда не смотрели за все годы знакомства. Я знаю, куда придётся удар, если сейчас он попробует пройти мимо. Он тоже это понимает.

— Ты сейчас выйдешь, — произношу я. — Я не буду повторять еще раз.

Сверху доносится голос Нины Павловны. Я сразу поднимаю голову, пытаясь услышать ответ Даны, и Алекс замечает

это раньше, чем я успеваю снова посмотреть на него.

— Тебе самому страшно, — говорит он.

— Веймер, уходи.

Он сжимает ключи в ладони, затем медленно отступает.

— Я завтра позвоню ей. Ты не будешь отвечать за неё.

Я провожаю его взглядом до двери и возвращаюсь наверх, не дожидаясь, пока стихнет звук машины.

Нина Павловна сидит возле кровати. Она принесла сумку Даны, достала телефон и положила рядом с ней. Когда я вхожу, девушка открывает глаза и смотрит на дверь за моей спиной.

— Врач скоро будет, — говорю я.

Она кивает. Я сажусь в кресло, потому что стоять над ней сейчас не могу. Каждый раз, когда я двигаюсь, она следит за мной, и я слишком хорошо понимаю, чего она ждёт.

Роман звонит через несколько минут. Я отвечаю раньше, чем успевает прозвучать второй сигнал, и велю сразу подниматься. Леонид Аркадьевич входит с врачебной сумкой и останавливается возле кровати, представляется Дане, спрашивает, можно ли её осмотреть.

Она отвечает достаточно ясно, чтобы я впервые смог выдохнуть.

Врач измеряет давление, проверяет пульс, задаёт вопросы. Дана говорит тихо, а я ловлю каждое слово. Он слушает её, просит глубже вдохнуть и задерживает взгляд на запястье, когда поднимает рукав. Я вижу красные следы от соб-

ственных пальцев и отвожу глаза.

— Когда вы в последний раз ели? — спрашивает Леонид Аркадьевич.

— Утром…

— Что вы ели?

Она молчит несколько секунд.

— Я пила чай. И съела немного хлеба…

Я смотрю на её лицо. Внизу остался стол с едой, которую она несколько часов разносила гостям. Она убирала почти полные тарелки, возвращалась за напитками, выполняла просьбы. Я стоял в дверях кухни и ждал, пока она откажется от стакана воды, чтобы снова взять поднос.

Я добился своего.

Леонид Аркадьевич спрашивает о предыдущем дне. Дана отвечает, что поздно пришла со смены. Я вспоминаю, как она объясняла, почему не может пропустить работу, и как я слушал, выбирая, какое из её объяснений удобнее использовать.

Врач проверяет сахар портативным прибором и смотрит на результат. Потом спрашивает разрешения взять кровь на анализ. Дана кивает и кладёт руку на кровать. Я встаю, но он поднимает на меня глаза.

— Матвей, ты сядь! Ты сейчас мешаешь.

Я сажусь и смотрю, как он готовит пробирки. Когда Дана морщится, я невольно подаюсь вперёд, а потом останавливаюсь, потому что слишком хорошо помню, как сегодня сам

держал её, пока она говорила, что ей больно.

Леонид Аркадьевич убирает кровь для отправки в лабораторию, затем объясняет, что уровень глюкозы снижен и он введёт препарат внутривенно. Я слушаю, не перебивая, пока он работает. Нина Павловна выходит приготовить еду, Роман остаётся в коридоре, и дом наконец становится таким тихим, что я слышу каждый ответ Даны.

После процедуры врач некоторое время наблюдает за ней, снова проверяет давление. Она уже отвечает увереннее, но всё ещё выглядит так, словно даже разговор отнимает последние силы.

— Есть признаки физического истощения и сильного нервного перенапряжения, — говорит он. — Анализы помогут уточнить остальное. Ей нужен покой, нормальная еда и отдых. Она давно живёт в таком режиме?

Я не знаю, что ответить.

Я могу назвать её расписание, время окончания смены, сумму, которую она получает за вечер. Я помню, на каком месте она сидит, когда уходит из корпуса и сколько раз проверяет телефон перед занятиями. Я ни разу не видел её обедающей в столовой и ни разу не задумался, почему.

Она возвращалась с чаем, садилась возле окна и открывала ноутбук. Я смотрел, с кем она разговаривает. Я следил, кому улыбается. Я хотел знать всё, что поможет приблизить её, и даже не спросил, ела ли она сегодня.

Под рёбрами начинает давить так сильно, что я упираюсь

ладонью в подлокотник. Я вспоминаю, как она цеплялась за работу, как пыталась оставить себе хотя бы одну смену и предлагала приехать в другое время. Я забрал у неё вечер и заработок, потом заставил обслуживать людей, которые издевались над ней, а в подвале продолжал давить, пока она не перестала держаться на ногах.

Я видел, что она боится. Я хотел этого.

Теперь мне почти больно от каждого воспоминания о собственных руках.

— Матвей, — обращается ко мне врач, и я поднимаю голову. — Ты меня услышал?

— Я услышал. Скажите, что ещё нужно.

Он смотрит внимательно, потом возвращается к Дане. Нина Павловна приносит еду, и врач остаётся, пока девушка понемногу ест и пьёт. Затем объясняет, что заглянет утром, передаёт Роману пробирки и даёт указания на случай ухудшения. Я запоминаю каждое слово.

Когда он уходит, я провожаю его только до двери спальни и сразу возвращаюсь к кровати.

Дана смотрит на меня поверх края одеяла.

— Ты можешь выйти? — спрашивает она.

Я останавливаюсь, и давление под рёбрами становится сильнее. Ей не нужны мои объяснения. Она хочет закрыть глаза в комнате, где меня не будет, и имеет для этого все причины.

— Я останусь здесь, — отвечаю я. — Я не буду тебе ме-

шать.

Она отворачивается. Я отодвигаю кресло дальше от кровати и сажусь, оставляя ей расстояние, которого она просила весь вечер. Нина Павловна забирает поднос, выключает верхний свет и уходит. Я долго смотрю на закрытую дверь, прислушиваясь к дыханию Даны.

Она засыпает постепенно. Даже удивительно. Видимо совсем не осталось сил на борьбу. Её пальцы разжимаются, лицо становится спокойнее, и я наконец могу шевельнуться, не получая в ответ настороженный взгляд.

Я подхожу к кровати и опускаюсь на колени. Дана не просыпается. Я смотрю на её лицо, на запястье поверх одеяла и почти физически ощущаю, сколько сил у неё отнял. Я хотел её внимания так жадно, что каждую просьбу остановиться принимал за очередной отказ, который нужно перебороть.

Моя принцесса лежит здесь, в моей постели, и я сам заставил её бояться этого дома.

Я готов остаться на коленях до утра, если она сможет спокойно спать. Я готов выслушать всё, что она скажет, когда откроет глаза. Я впервые хочу попросить её о чём-то, не зная, какими словами начать, потому что ни одно не исправит того, как я держал её возле стола.

Я поднимаюсь и ложусь с другой стороны кровати, поверх покрывала. Между нами остаётся свободное место. Я не тянусь к ней и не поправляю волосы, хотя хочется убедиться ещё раз, что она здесь и ей лучше. Я просто смотрю, пока

дыхание остаётся ровным.

Утром она снова попросит отвезти её в общежитие. Я уже знаю, что не выпущу её из своего дома, и лежу рядом, глядя на девушку, перед которой только что стоял на коленях.

Глава 9. Дана

Я просыпаюсь и несколько секунд смотрю на незнакомый потолок, не понимая, почему у меня над головой нет края полки. Потом вспоминаю лестницу в подвал, Матвея возле стола и собственные руки, которые перестали меня удерживать.

Резко поворачиваю голову. Соседняя половина кровати пуста, дверь закрыта, возле окна никого нет. Я одна.

Одеяло натянуто почти до подбородка. Под ним на мне всё то же чёрное платье. На сгибе локтя остался маленький пластырь, а на запястье видны следы, которые вчера рассматривал врач. Я осторожно двигаю рукой и вспоминаю, как просила Матвея выйти. Последнее, что помню достаточно ясно, — он отодвигает кресло, но остаётся в комнате.

Телефон лежит рядом с подушкой. На экране семь утра и сообщение от соседки, которая спрашивает, где я ночую. Я отвечаю, что жива, скоро позвоню, и долго смотрю на слово «скоро», прежде чем отправить.

Алекс тоже написал. Он просит сообщить, как я себя чувствую, когда проснусь. Я не отвечаю сразу. Вчера он обещал увезти меня, а я всё равно осталась здесь. Я благодарна ему за попытку, но пока не понимаю, насколько могу рассчитывать на человека, которого Матвей заставил уйти.

Я спускаю ноги на пол и прислушиваюсь к себе. Голова

тяжёлая, однако комната больше не плывёт перед глазами. Сейчас я могу встать, найти сумку и одеться. Я собираюсь сделать именно это, когда в дверь негромко стучат.

Нина Павловна входит с аккуратно сложенными вещами. Она кладёт их на кресло, затем ставит возле него коробку с обувью.

— Доброе утро. Как вы себя чувствуете?

— Уже лучше. Спасибо.

Она разворачивает светлый свитер, под которым лежат узкие тёмные джинсы. В коробке оказываются белые кеды. Я перевожу взгляд с вещей на неё, ожидая объяснения.

— Это вам. Матвей Русланович просил одеться и спуститься к завтраку.

Я задерживаюсь на отчестве, которого раньше не слышала, а потом снова смотрю на одежду. Вчера он привёз меня работать. Сегодня у него уже есть мой размер джинсов и новая обувь, которую мне предлагают надеть так, будто я приехала сюда с чемоданом.

— Мои вещи в сумке, — говорю я.

— Я принесла её вечером. Она стоит возле тумбочки.

Нина Павловна показывает на дверь у противоположной стены, которую я вчера даже не заметила.

— Ванная здесь. Полотенца на полке, всё необходимое в шкафчике. Когда будете готовы, спускайтесь. Матвей Русланович уже внизу.

Я касаюсь свитера. На внутренней бирке написано, что

он кашемировый, а к рукаву всё ещё прикреплена маленькая пластиковая петля от ценника. Вещи новые. Они куплены для меня, хотя вчера никто не спрашивал, нужна ли мне одежда.

— Я не просила ничего покупать.

Нина Павловна смотрит на меня без удивления.

— Вы можете обсудить это с Матвеем Руслановичем за завтраком.

Она выходит, оставляя меня одну. Я смотрю на закрытую дверь и пытаюсь понять, что изменилось за ночь. Он вызвал врача, накрыл меня одеялом, велел принести одежду. Я должна была бы испытывать облегчение, но каждая новая вещь выглядит частью решения, которое опять приняли без меня.

Я проверяю сумку. Деньги и документы на месте, рабочая рубашка смята под курткой. Я могла бы надеть свои вещи, спуститься и потребовать отвезти меня домой. Вчера я уже пробовала требовать. Теперь мне нужно выбрать, какой спор приблизит меня к выходу, а какой оставит ещё на час в его спальне. Разумнее сделать так как сказали, чтобы потом найти правильный выход.

Я беру телефон с собой в ванную и закрываю дверь на защёлку. Несколько секунд я просто смотрю на неё, проверяя, что никто не откроет с другой стороны.

Тёплая вода понемногу снимает тяжесть в плечах. Я моюсь быстро, всё время прислушиваясь, не постучит ли Мат-

вей. Под водой следы на запястьях становятся заметнее, и я отвожу взгляд. Я помню, как он удерживал меня, и утренний свитер не меняет этого воспоминания.

Когда я выхожу, в комнате по-прежнему никого нет. Джинсы садятся точно по размеру, свитер закрывает руки до пальцев. Я надеваю кеды, складываю форму в отдельный пакет и убираю в сумку. Одежду можно вернуть позже, когда я окажусь у себя и смогу разговаривать с ним с расстояния хотя бы в несколько кварталов.

Телефон я кладу в карман джинсов, документы оставляю в сумке. На лестнице я держусь за перила и стараюсь вспомнить, какая дверь ведёт к кухне, а какая — к главному входу.

Матвей сидит за столом в небольшой комнате с окнами в сад. Перед ним чашка, телефон и раскрытый ноутбук. Он поднимается, едва я появляюсь в дверях, и направляется ко мне так быстро, что я останавливаюсь.

— Как ты?

— Лучше.

Он внимательно смотрит мне в лицо, словно мой ответ пока ничего не значит. Потом забирает сумку, которую я держу на плече, и отодвигает стул возле своего места.

— Ты сейчас позавтракаешь.

Я слежу, куда он ставит сумку. Она оказывается на соседнем стуле, достаточно близко, чтобы я могла дотянуться. Я сажусь и только тогда замечаю, что передо мной уже стоят тарелка, чашка и стакан воды.

— Я не очень хочу есть, — говорю я, потому что от его внимания снова сжимается горло.

Матвей наклоняется и пододвигает тарелку ближе.

— Ты будешь есть, Дана.

Я смотрю на него, потом на тёплый омлет. Он остаётся стоять, ожидая, пока я возьму вилку. Вчера он так же ждал возле кухни, пока я оставлю воду и подниму поднос. Сегодня я должна завтракать, и от перемены требования мне почему-то не становится спокойнее.

Я беру вилку. Матвей садится только после этого.

— Чай тебе налили. Если захочешь что-то другое, скажешь.

Я киваю и пробую еду. Голод возвращается после первых кусочков, но я стараюсь не торопиться. Он замечает каждое движение: как я беру стакан, как придерживаю рукав, как ставлю чашку обратно. Когда я тянусь за салфеткой, он подаёт её раньше, чем я успеваю дотянуться.

— Ты можешь не смотреть на меня всё время? — спрашиваю я.

Матвей задерживает взгляд на моём лице, затем отодвигается чуть дальше.

— Я хочу понять, тебе действительно лучше или ты просто говоришь то, что позволит быстрее уйти.

Я опускаю глаза в тарелку. Он попал достаточно точно, чтобы стало неуютно, однако объяснять ему свои планы я не собираюсь.

— Спасибо за одежду. Я верну её, когда попаду в общежитие.

Матвей ставит чашку на стол.

— Ты ничего возвращать не будешь. Это твои вещи.

— У меня есть свои!

— Я видел.

Я заставляю себя не отвечать сразу. От его спокойного тона вспоминается парковка, где любое моё объяснение становилось новым поводом продолжать разговор. Сейчас я могу просто закончить завтрак и добраться до университета. Там будут люди, занятия, коридоры, по которым он не сможет всё время идти рядом.

— Когда мы поедем? — спрашиваю я.

— После завтрака. У нас достаточно времени до занятий.

Я поднимаю голову. Университет оказывается первым понятным местом в его утренних планах, и я стараюсь не показать, насколько мне важно туда попасть.

— Мне нужно сначала домой заехать.

— Всё, что нужно на сегодня, у тебя в сумке.

— Матвей, у меня там живёт соседка. Там мои вещи. Я должна хотя бы сказать, что со мной происходит…

Он смотрит на меня, не перебивая, и я почти надеюсь, что сейчас получится договориться.

— Ты можешь ей позвонить, — отвечает он. — В общежитие ты не вернёшься.

Вилка замирает у меня в руке. Я медленно кладу её на

край тарелки, стараясь не звякнуть о фарфор.

— Что значит не вернусь? — внутри все холодеет.

— Ты останешься здесь. Я отвезу тебя на занятия и привезу обратно.

Я смотрю на него, пытаясь найти в выражении лица хотя бы намёк на то, что он проверяет мою реакцию. Матвей говорит о моей жизни так же буднично, как только что предлагал другой чай.

— Я здесь не живу.

— У тебя будет всё необходимое.

— Я говорю о другом!

— Я понял, о чём ты говоришь.

Он пододвигает ко мне стакан воды, и я замечаю, что руки снова начали дрожать. Я обхватываю стакан обеими ладонями, чтобы скрыть это, и делаю глоток. Спорить сейчас означает остаться за этим столом и ещё раз выяснять, насколько твёрдо он решил за меня.

Я могу перестать спорить, не соглашаясь.

Матвей смотрит на мою тарелку.

— Ты почти не поела.

Я беру вилку снова. Пока я жую, он отвечает на сообщение в телефоне, и у меня появляется несколько секунд, в которые можно посмотреть на дверь без его встречного взгляда.

В университете я смогу уйти вместе с группой. После пары можно спуститься по другой лестнице, зайти в библиоте-

ку, дождаться, пока он перестанет искать меня возле выхода. Я представляю дорогу к остановке, потом общежитие и тут же понимаю, что он приедет туда первым.

Даже если я уйду сегодня, завтра мне придётся вернуться на занятия. Я не могу бросить учёбу или уехать из города с теми деньгами, которые лежат в сумке. У меня хватит на несколько ночей в дешёвом хостеле, но потом я снова окажусь там, где он уже знает каждый мой маршрут.

Алекс мог бы помочь найти место, однако я слишком мало о нём знаю. Вчера он отступил, когда Матвей потребовал уйти. Я могу обратиться к нему, но сначала должна понять, что именно он способен сделать, кроме обещаний.

Я заставляю себя вернуться к самому простому: сейчас мне нужно выйти из дома с телефоном и сумкой. Следующее решение я приму там, где дверь не закрывается по одному слову Беса.

— О чём ты думаешь? — спрашивает Матвей.

Я поднимаю глаза. Он уже убрал телефон и наблюдает за мной.

— О занятиях.

— Ты нормально себя чувствуешь?

Я киваю. Он ещё несколько секунд смотрит мне в лицо, затем поднимается и забирает мою чашку. Я пользуюсь этим, чтобы взять сумку с соседнего стула.

У входа Матвей подаёт мне куртку. Я надеваю её сама, пока он держит рукав, и торопливо застёгиваю молнию. Я хочу

оказаться снаружи, увидеть дорогу и убедиться, что утро не закончится заточением в этом доме.

Воздух во дворе прохладный. Я спускаюсь по ступеням, замечаю машину возле дома и мужчину в костюме, который разговаривает с человеком у ворот. Начальник охраны? Возможно… Если дойти до въезда, там хотя бы будет улица. Но Матвей идёт рядом, а сумка всё ещё кажется слишком лёгкой без ноутбука.

Он открывает пассажирскую дверь. Я уже собираюсь сесть, когда его рука ложится мне на талию и притягивает ближе.

Я упираюсь ладонью ему в грудь, потому что не успеваю сделать шаг назад. Матвей наклоняется, на секунду прижимается лицом к моей шее и вдыхает. Затем его губы коротко касаются кожи за ухом.

Я замираю, глядя через его плечо на окна дома. Он делает это посреди двора так спокойно, будто между нами произошло что-то, о чём я не знаю.

— После университета я верну тебе ноутбук, — говорит он рядом с моим ухом.

Я отстраняюсь настолько, насколько позволяет его рука.

— Я хочу домой, Матвей. К себе в общежитие, — сердце бьется гулко и быстро.

Он выпрямляется. Я вижу, как напрягается челюсть, и слышу тихий скрежет зубов. Его ладонь остаётся на моей талии, а я стараюсь не отвести взгляд, хотя снова хочется по-

смотреть, где находятся ворота.

— Ты весь завтрак думала, как от меня уйти?

Я не отвечаю. Любая попытка объяснить только подтвердит, насколько внимательно он следил за моим молчанием.

Матвей поднимает руку к моему лицу и убирает прядь, которая прилипла к щеке. Я стою неподвижно, потому что помню, как быстро его прикосновение может превратиться в захват.

— Даже не думай бежать от меня, Дана.

Он произносит это негромко. Я смотрю на него, а сама пытаюсь удержать в голове всё, что знаю точно: телефон у меня, документы в сумке, впереди университет, где я не останусь с ним наедине.

Матвей отступает, позволяя сесть. Я опускаюсь на сиденье и кладу сумку на колени. Он наклоняется к открытой двери, дожидаясь, пока я снова посмотрю ему в лицо.

— После последней пары я буду ждать тебя у выхода. Не заставляй меня искать тебя, принцесса. За непослушание последует наказание.

Глава 10. Дана

Возле универа Матвей забирает у меня сумку, и я не сразу понимаю, что он собирается нести её сам. Я тянусь за ремнём, но он уже кладёт свободную ладонь мне на спину и направляет к дверям.

Я замечаю Кристину раньше, чем она видит нас. Она стоит возле гардероба с двумя девушками и что-то показывает им в телефоне. Кирилл прислоняется к стене рядом. Он поворачивает голову, видит нас, и я машинально замедляю шаг, ожидая едких замечаний.

— А прислугу теперь с собой…

Матвей останавливается.

— Договори.

Он произносит это достаточно тихо, чтобы я услышала, как у гардеробного окошка падает номерок. Кирилл отрывается от стены, переводит взгляд на его руку у меня за спиной и усмехается.

— Да ладно тебе. Я же просто…

— Я сказал договорить.

Кристина опускает телефон. Одна из девушек возле неё отступает, пропуская студентов, хотя секунду назад они занимали почти весь проход.

Я стою рядом с Матвеем и не могу заставить себя посмотреть на Кирилла. Мне кажется, достаточно встретиться с ним

глазами, чтобы он всё-таки нашёл продолжение, а мне снова пришлось выбирать, как уйти, не показав, что меня задело.

— Шутка неудачная, — наконец отвечает он.

— Ты удалишь всё, что снимал с Даной. Из чатов тоже уберёшь. Сейчас.

Кирилл смотрит на него чуть дольше, чем, по-видимому, следует. Матвей делает шаг вперёд, и Кирилл тут же достает телефон.

— Ты сам вчера…

— Ты хочешь обсудить, что я делал вчера?

Я поднимаю голову. Матвей не повышает голоса, но в его лице появляется то выражение, которое я уже видела в подвале. Теперь оно обращено к другому человеку, и я впервые понимаю, каково это — стоять по эту сторону его плеча.

Кирилл начинает нажимать на экран.

— Я же не знала, что у вас теперь всё так серьёзно, — говорит Кристина, глядя на меня. — Можно было сразу сказать, а не устраивать вчера спектакль с обмороком.

Я чувствую, как внутри всё стягивается. Вчера я не могла поднять голову с подушки, пока она, наверное, продолжала развлекаться. Сегодня мне придётся ещё и доказывать, что я потеряла сознание по-настоящему.

— Ты больше не подходишь к ней, — говорит Матвей.

Кристина поворачивается к нему.

— Мы вообще-то все вместе…

— Я сейчас говорю с тобой. Ты не подходишь к Дане, не

пишешь ей и не передаёшь ничего через подруг. Если хочешь что-нибудь сказать о ней, сначала говоришь мне.

Она смотрит на него так, будто ждёт, когда он перестанет разыгрывать её перед остальными. Потом её взгляд скользит к моей сумке в его руке, и губы сжимаются.

— Я тебя услышала.

Матвей забирает у Кирилла телефон и проверяет экран. Я не вижу, что он открывает, но стоять и смотреть на это мне становится тяжело.

— Мы опоздаем, — говорю я.

Он сразу поворачивается ко мне. Несколько секунд назад Кириллу понадобилось три попытки, чтобы закончить фразу, а я произношу одну, и Матвей возвращает ему телефон.

— Если что-то снова появится, разговор будет другим, — говорит он и ведёт меня дальше.

Я иду рядом, ожидая, что нам вслед всё-таки что-нибудь скажут. Никто не говорит. Даже когда мы сворачиваем к лестнице, я слышу только голоса других студентов.

На первой паре Матвей садится со мной. Он ставит сумку возле моих ног, достаёт свой ноутбук и разворачивает его так, чтобы я тоже видела экран. Я открываю тетрадь и жду, когда перестану замечать его локоть возле моей руки.

Преподаватель начинает объяснять новую тему. Я записываю определение, затем ещё одно и вдруг понимаю, что действительно слушаю. Мне не нужно следить, не направлен ли на меня телефон с соседнего ряда, и проверять, что кто-

нибудь что-то положил под мою тетрадь. За спиной смеются, но я впервые за несколько дней не оборачиваюсь.

Это ощущение оказывается таким непривычным, что я почти пропускаю следующий вопрос преподавателя.

Матвей пододвигает ко мне ноутбук, на экране которого открыта нужная таблица. Я смотрю на его руку и вспоминаю, как вчера он сжимал мои запястья. Следы скрыты рукавами свитера, который он мне купил.

Я возвращаюсь к записям. Рядом с ним меня действительно никто не тронет. Мне приходится напоминать себе, что вчера никто не смог помешать ему самому.

После звонка я нарочно долго собираю вещи, пропуская остальных к выходу. Матвей ждёт возле стола. Когда я надеваю сумку на плечо, он протягивает руку, но я удерживаю ремень.

— Я сама понесу.

Он смотрит на мою руку, затем на меня.

— Хорошо.

От этого короткого согласия мне почему-то хочется проверить, на что ещё он способен согласиться. Я вовремя останавливаю себя. Сумку он разрешил мне нести, но домой всё равно не отпустил.

В коридоре я говорю, что мне нужно в туалет. Матвей кивает в сторону дверей и остаётся возле окна напротив.

Я захожу внутрь и несколько секунд стою у раковины, прислушиваясь к стуку своего сердца. Здесь есть окно, но

оно узкое, а мы на третьем этаже. Другого выхода нет. Я достаю телефон, открываю переписку с соседкой и пишу, что задержусь после занятий. Потом стираю сообщение, потому что сама ещё не знаю, куда пойду.

Можно позвонить ей и попросить встретить меня. Только она придёт, а Матвей будет стоять рядом и спокойно объяснять, что я плохо себя чувствую, и он отвезёт меня сам. Я уже представляю её растерянное лицо. Втягивать её в разговор, к которому я пока не готова сама, бессмысленно.

Когда я выхожу, он убирает телефон в карман.

— Всё нормально?

— Да.

Матвей отступает от окна, пропуская меня вперёд, и я понимаю, что он всё это время видел дверь.

На большой перемене он ведёт меня в столовую. Я пытаюсь сказать, что могу купить что-нибудь позже, но он только спрашивает, что я буду есть. Возле раздачи слишком много людей, чтобы продолжать этот разговор, и я называю суп, который беру иногда, когда остаются деньги после оплаты проезда.

Он добавляет к нему второе, хлеб и чай.

— Я столько не съем…

— Тогда оставишь.

Матвей расплачивается, берёт поднос и направляется к свободному столику у окна. Я иду следом и ловлю себя на том, что смотрю по сторонам, ожидая хоть какой-нибудь ре-

акции. Он несёт мой обед. Я в одежде, которую до вчерашнего вечера не могла бы себе позволить. Утром он при всех заставил Кирилла удалить записи.

Никто не перешёптывается нам вслед. Девушка с нашего потока здоровается с Матвеем, улыбается мне и спрашивает, свободен ли соседний стул. Я киваю, она забирает его к своим подругам, и на этом всё заканчивается.

Мне хочется задержать её и спросить, почему вчера рядом со мной было так легко смеяться, а сегодня она даже не удивилась, увидев нас вместе. Однако девушка уже садится за другой столик и достаёт конспект.

Матвей ставит передо мной суп.

— Ты опять побледнела.

— Здесь жарко.

Он снимает с моего подноса лишнюю тарелку, освобождая место, и пододвигает чай. Я беру ложку, пока он не начал спрашивать дальше.

Я действительно хочу есть. После нескольких ложек отступает слабость, которую я всё утро принимала за страх. Я замечаю, что перестала держать плечи поднятыми, а сумка лежит на соседнем стуле, и мне не приходится придерживать её рукой.

Матвей разговаривает по телефону, коротко отвечает кому-то про вечер, а я ем и впервые могу не думать, хватит ли мне на ужин. От этого становится тепло и почти спокойно. Я не помню, когда в последний раз кто-нибудь сидел рядом,

следя только за тем, чтобы я была сыта и меня никто не обидел.

Потом он заканчивает разговор и говорит:

— Вечером поедем сразу домой. Врач посмотрит тебя ещё раз.

Я опускаю ложку. Он уже называет своим домом место, куда должен отвезти меня, и я успела почти забыть об этом, пока ела.

— Я могу сама сходить в поликлинику.

— Тебе не нужно никуда ходить.

Он произносит это без раздражения, даже наклоняется ближе, чтобы мне не пришлось повышать голос среди общего шума. Я смотрю на него и понимаю, как легко можно привыкнуть к таким ответам. Мне не нужно искать деньги на врача, покупать обед, думать, где взять ноутбук. Матвей способен устроить всё, если я останусь там, где он решил – рядом с ним.

Я беру чай, чтобы занять руки.

— А если мне нужно?

— Тогда скажешь, и мы решим.

Я делаю глоток. Спрашивать, что будет, если наши решения не совпадут, я не собираюсь. Утром я уже получила ответ.

После обеда Матвей снова идёт со мной. Он не держит меня за руку, но я постоянно чувствую его рядом. Когда у расписания появляется Кристина, она проходит мимо, не за-

держиваясь. Кирилл разговаривает с кем-то возле лестницы и отводит взгляд раньше, чем мы подходим.

Я больше не ищу свободный край коридора и не обхожу компанию через другой этаж. Мне стыдно от того, насколько это приятно. Я должна думать о выходе, а вместо этого на несколько минут позволяю себе просто идти и знать, что меня не толкнут.

Перед последней парой Матвей останавливается возле моей аудитории. У меня практикум по статистике, у него занятие по деловому праву в другом корпусе. Я слышала, как он обсуждал его по телефону, но до этой минуты не была уверена, что он действительно уйдёт.

— Ты заканчиваешь в четыре десять, — говорит он. — Я встречу тебя внизу.

— Я помню.

Он смотрит на меня, и мне приходится удерживать взгляд, хотя хочется проверить, сколько студентов уже вошло в аудиторию.

— Если станет плохо, сразу звони.

Я киваю. Матвей касается моей щеки, убирая прядь волос, и я заставляю себя не отступить. Мне нужно, чтобы он ушёл на свою пару, а я осталась здесь.

Когда он наконец поворачивается к лестнице, я захожу в аудиторию и сажусь возле прохода.

Я открываю тетрадь, записываю дату и почти всю первую половину занятия решаю задания вместе со всеми. Препода-

ватель ходит между рядами, просит показать расчёты, указывает мне на ошибку. Я исправляю её и только потом смотрю на часы.

До звонка сорок минут. Я знаю, куда ведёт запасная лестница в конце этого коридора: мы спускались по ней в начале семестра, когда в главном холле меняли освещение. Внизу есть выход во двор возле старого спортивного зала. Оттуда можно пройти через калитку к остановке, а до торгового центра добраться пешком за несколько минут.

Я мысленно прохожу этот путь и пытаюсь вспомнить, была ли дверь открыта на прошлой неделе. Если она заперта, я вернусь по тому же коридору. Если откроется, у меня будет время дойти до торгового центра, прежде чем Матвей поймёт, что я не спущусь к нему.

Я не стану ехать в общежитие сразу. Сначала мне нужно оказаться среди людей и подумать, не чувствуя его взгляда. Там я смогу позвонить соседке, проверить деньги и решить, кому рассказать, что происходит. Сейчас я хочу получить хотя бы полчаса, которые он не распределил за меня.

За пять минут до конца преподаватель разрешает тем, у кого принята работа, уходить. Обычно я остаюсь и проверяю ответы ещё раз. Сегодня я закрываю тетрадь вместе с первыми.

У двери я пропускаю двух девушек. Они сворачивают к главной лестнице, продолжая спорить о последнем задании. Я делаю несколько шагов следом, затем останавливаюсь воз-

ле стенда, будто мне нужно что-то найти в сумке.

Когда их голоса удаляются, я поворачиваю обратно.

До двери запасной лестницы всего несколько метров, но на середине пути мне кажется, что я слышу своё имя. Я не оборачиваюсь сразу, заставляю себя дойти до конца коридора и только там смотрю через плечо. Возле аудитории стоят двое парней, которые даже не смотрят в мою сторону.

Я нажимаю на ручку. Дверь поддаётся, и я проскальзываю внутрь.

На лестнице прохладно. Я придерживаю дверь, чтобы она не хлопнула, и начинаю спускаться. На площадке второго этажа кто-то смеётся, и я замедляюсь, готовая вернуться наверх. Мимо проходят студенты со спортивными сумками, один придерживает для меня следующую дверь. Я благодарю его и продолжаю идти, стараясь не ускоряться, пока не остаюсь одна.

Внизу я толкаю тяжёлую наружную дверь и выхожу во двор.

Несколько секунд я вижу только площадку перед собой, ограду и открытую калитку. Я ожидала охранника, закрытого выхода, Матвея, который почему-то догадался прийти сюда. Вместо этого по дорожке идёт преподаватель с бумажным стаканчиком кофе.

Я спускаюсь с крыльца и направляюсь к калитке. Сумка ударяет по бедру, и я прижимаю её локтем, чтобы ремень не съезжал. За оградой я поворачиваю за угол спортивного зала,

и только когда университет скрывается за зданием, позволяю себе прибавить шаг.

Телефон пока молчит. До конца пары остаётся несколько минут, и я стараюсь не думать, что Матвей мог освободиться раньше. На перекрёстке загорается красный. Я останавливаюсь вместе с другими пешеходами и смотрю на отражение улицы в стекле автобусной остановки. Знакомой машины нет.

Я перехожу дорогу, едва меняется сигнал, и дальше уже бегу.

Торговый центр виден за рядом деревьев. Возле входа женщина вытирает ребёнку лицо, двое курьеров разговаривают рядом с велосипедами. Я обхожу их, влетаю в раздвижные двери и останавливаюсь только возле эскалатора.

Сердце стучит так сильно, что мне приходится несколько раз сглотнуть. Я жду, пока дыхание выровняется, и поднимаюсь на второй этаж. Снизу меня уже не видно. Впереди витрины, люди, стойка с чехлами для телефонов, и я иду между ними, постепенно замедляясь.

Матвей остался в университете. Сейчас он ещё может стоять возле выхода, смотреть на студентов и ждать, когда я выйду. Я представляю, как он достанет телефон, и в тот же момент он вибрирует у меня в кармане.

Я вздрагиваю и останавливаюсь возле витрины с обувью.

На экране его имя.

Я смотрю на вызов, пока рядом проходят люди с пакетами,

и вдруг понимаю, как сильно мне хочется ответить. Сказать, что я уже ушла, услышать его голос и перестать гадать, насколько он зол. Я почти чувствую облегчение от одной мысли, что он приедет и мне больше не придётся решать, куда идти.

Именно поэтому я убираю звук.

Вызов обрывается, через несколько секунд начинается новый. Я отхожу от витрины и сажусь на свободную скамью возле карты этажей. Мне нужно отдышаться, прежде чем я позвоню кому-нибудь сама.

Матвей не знает, где я. Пока он этого не знает, у меня есть возможность выбрать.

Я открываю переписку с соседкой, но наверху появляется уведомление от него. Я нажимаю раньше, чем успеваю передумать.

«Я у твоей аудитории. Где ты?»

Я не отвечаю. Отсюда до университета несколько минут пешком, и он ещё может успеть обойти двор, посмотреть у остановки, проверить дорогу к общежитию. Я смотрю на схему торгового центра, выбирая другой выход, когда приходит следующее сообщение.

«Дана, ответь! Не заставляй меня искать тебя».

Я перечитываю его дважды. Потом переворачиваю телефон экраном вниз и поднимаю глаза на проходящих мимо людей.

Глава 11. Бес

За обедом Дана впервые перестаёт следить за моими руками.

Я замечаю это раньше, чем она сама. Она ест, иногда поглядывает в окно, поправляет сползающий рукав, а сумку оставляет на соседнем стуле. Когда я тянусь за телефоном, она продолжает держать ложку так же спокойно. Утром каждое моё движение заставляло её замирать.

Мне хочется наклониться и поцеловать её в висок, но я остаюсь на месте. Вчера я уже видел, что бывает, когда мне мало того, что она просто рядом. Сегодня она сидит со мной, нормально ест и больше не пытается выглядеть так, будто ей ничего не нужно. Я могу несколько минут подождать.

Я смотрю на её тарелку и думаю, что вечером Нине Павловне нужно приготовить что-нибудь похожее. Дана почти доела суп, хотя возле раздачи утверждала, что не голодна. Со временем перестанет отказываться от всего заранее. Привыкнет, что ей больше не придётся считать деньги перед тем, как поесть.

Доктор приедет к семи. Ноутбук уже привезли из сервиса, и утром Роман прислал фотографию: корпус заменили, файлы сохранили. Я верну его, когда мы окажемся дома. Пусть сядет с ним в спальне или в кабинете, выберет, где ей удобно заниматься. На столе у окна достаточно места, а мне можно

работать рядом.

Я представляю, как она поднимает на меня глаза от экрана, чтобы что-нибудь спросить. Не потому, что я потребовал посмотреть на меня. Потому что я ей нужен.

От этой мысли я едва не пропускаю вопрос Романа в трубке.

— Матвей Русланович, врача к семи подтверждать?

— Да. И позвони в сервис, узнай про зарядку. В сумке у неё старый провод с изолентой.

Я заканчиваю разговор и говорю Дане про вечер. Она сразу откладывает ложку.

Мне не нравится, как меняется её лицо, когда я упоминаю дом. Она снова начинает объяснять, что может сама сходить к врачу, будто я предложил ей что-то плохое. Я сдерживаюсь и отвечаю спокойно. Она плохо спала, вчера потеряла сознание и до сих пор вздрагивает от резких звуков. Я не собираюсь снова отпускать её туда, где никто даже не заметит, если она не поужинает.

Она спрашивает, что делать, если ей всё-таки нужно куда-то пойти.

Я отвечаю, что мы решим. Это кажется мне настолько очевидным, что я не сразу понимаю, почему она замолкает.

Дана больше ничего не просит, и я решаю пока не продолжать. Мы впервые едим вместе. Я хочу запомнить её такой: в моём свитере, с согретыми о чашку ладонями, без чужих голосов за спиной. Утром Сомов достаточно ясно понял, что

больше не сможет открывать рот при ней. Кристина тоже поняла.

Теперь у Даны есть я, и остальные будут с этим считаться.

Перед последней парой я оставляю её у аудитории. Она держится спокойно, отвечает, что помнит, во сколько я приду, и смотрит мне в лицо, когда я касаюсь её щеки. Мне хочется остаться ещё на минуту, но в коридоре появляются другие студенты, и она поворачивается к двери.

Я смотрю ей вслед, пока она не садится за стол возле прохода.

На своём занятии я почти не слушаю преподавателя. Открываю телефон, просматриваю сообщения, потом снова возвращаюсь к фотографии ноутбука. Мне хочется увидеть, как она обрадуется. Она ведь не верит, что я действительно верну его сегодня, иначе утром не спросила бы так настороженно, когда мы поедем.

Я выхожу раньше звонка и быстро пересекаю двор между корпусами. Дана заканчивает через несколько минут. Лучше поднимусь к ней сам, чтобы она не стояла внизу одна.

У аудитории уже никого нет.

Я смотрю на часы, затем нажимаю на ручку. Преподавательница сидит за столом и складывает работы в папку. Из студентов остался один парень у окна.

— Девушка здесь была. В светлом свитере, тёмных джинсах. Где она?

Преподавательница поднимает голову.

— Занятие закончилось. Я отпустила тех, кто сдал работу.

Я уже достаю телефон, когда парень возле окна говорит:

— Она с первыми ушла. Минут пять назад.

Я выхожу в коридор и набираю Дану. Гудки идут долго, но ответа нет. Я спускаюсь к главной лестнице, просматривая лица студентов. Возле автомата с кофе стоит девушка в светлом свитере, и я почти подхожу к ней, прежде чем она поворачивается.

Я набираю снова.

Внизу её тоже нет. Я дохожу до гардероба, проверяю холл, выхожу на крыльцо. Машина стоит там, где я оставил. Дана не ждёт возле неё, не идёт по дорожке, не разговаривает с кем-нибудь у входа.

Я возвращаюсь в корпус уже бегом.

На третьем этаже хватаю за локоть первую девушку, которая выходит из туалета.

— Там есть кто-нибудь? Дана, в светлом свитере. Невысокая, тёмные волосы.

Девушка смотрит на мою руку. Я отпускаю её, и она заглядывает обратно.

— Никого нет.

Я отхожу к окну и снова звоню. Телефон она не выключила. Она видит моё имя и не отвечает.

В груди начинает давить, и я расстёгиваю куртку, хотя мне не жарко. Ещё десять минут назад я думал, где она будет сидеть вечером с ноутбуком. Сейчас я не могу узнать, на каком

она этаже.

Я пишу, что стою возле аудитории. Жду несколько секунд, глядя на экран, затем отправляю второе сообщение. Она заставляет меня искать её при всех, спрашивать о ней у людей, к которым сама потом вернётся на занятия.

Ответа нет.

Я звоню Роману.

— Дана ушла с пары. На звонки не отвечает. Поднимай людей, проверьте всё вокруг университета.

— Давно ушла?

— Я не знаю! Минут десять назад, может, больше. Я скину фотографию.

Я открываю чат, нахожу короткое видео из аудитории и останавливаю на кадре, где видно её лицо. Дана смотрит прямо в камеру, ещё не понимая, что над ней смеются.

Отправляю снимок Роману и убираю телефон, прежде чем успеваю снова посмотреть на её глаза.

У поста охраны я останавливаюсь так резко, что мужчина за столом отодвигает стул.

— Мне нужны камеры. Девушка ушла из корпуса, нужно посмотреть, через какой выход.

Он начинает объяснять, что записи у старшего смены, а я уже звоню Роману снова и протягиваю охраннику телефон.

— Поговори с ним.

Пока они разговаривают, я смотрю на маленький монитор возле турникетов. По экрану идут студенты, кто-то задержи-

вается у дверей, пропуская женщину с коробкой. Я не вижу Дану и понимаю, что смотрю на прямую трансляцию.

— Где запись? — спрашиваю я, когда охранник возвращает телефон.

— Сейчас старший подойдёт.

— Позови ещё раз. Я здесь ждать не буду.

Я снова прохожу холл, заглядываю в столовую и звоню Алексу. Он отвечает не сразу.

— Дана у тебя?

Он замолкает.

— А должна быть?

— Я спросил, она с тобой?

— Нет. Что случилось?

— Если она позвонит, сразу наберёшь меня.

— Матвей, что ты опять…

Я отключаюсь. Если он что-то знает, то уже понял, что я ищу её. Если не знает, слушать его я сейчас не собираюсь.

Роман приезжает, когда старший смены наконец открывает запись в маленькой комнате за постом. Я стою у него за спиной, упираясь ладонями в край стола, и смотрю, как он перематывает последние двадцать минут.

— Здесь она не проходила, — говорит он.

— Другие выходы показывай.

На экране появляется лестница с облупленным краем подоконника. Девушка в светлом свитере быстро спускается вниз, придерживая сумку. Я узнаю её раньше, чем она пово-

рачивает голову.

— Останови.

Дана стоит возле наружной двери. Её пальцы уже на ручке, но она зачем-то смотрит назад, в пустую лестницу.

Она проверяет, не иду ли я следом.

Я выпрямляюсь так резко, что Роман отступает, освобождая место.

Всё утро она собиралась уйти. Пока я покупал ей обед, пока убирал от неё Кристину, пока спрашивал, не кружится ли у неё голова. Она кивала, смотрела на меня и ждала, когда я оставлю её одну.

— Двор, — говорю я. — Переключай на двор.

Другая камера показывает, как она выходит из корпуса, идёт к калитке и исчезает за спортивным залом. Никто к ней не подходит. Она уходит одна.

Я должен был бы успокоиться хотя бы от этого, но меня начинает трясти от злости. Она сбежала от меня. Я смотрел на неё, пока она спала, и боялся пошевелиться, а она утром уже думала, как от меня избавиться.

— Роман, где люди?

— Двое у остановок, один едет к общежитию. Ещё двое обходят соседние улицы.

— Она могла сесть в машину. Могла встретиться с кем-нибудь. Мне нужно знать, куда она пошла после калитки.

Он выходит звонить, а я остаюсь возле экрана. Старший смены запускает запись дальше. Пустой двор раздражает так,

что хочется самому схватить мышку и заставить эту камеру повернуться за угол.

Я снова набираю Дану. На этот раз после нескольких гудков вызов обрывается.

Она сбросила.

Я смотрю на потухший экран и понимаю, что ещё секунда — и я разобью телефон о стол.

— Ты издеваешься надо мной? — спрашиваю я вслух.

Охранник оборачивается, но я уже выхожу из комнаты.

Роман ловит меня возле дверей. В соседней аптеке согласились посмотреть наружную камеру: Дана прошла мимо витрины к перекрёстку. На записи со входа в магазин через дорогу видно, как она поворачивает к торговому центру.

— Поехали, — говорю я.

— Мы уже отправили туда…

— Я сказал, поехали! — ору я ему в лицо.

До торгового центра несколько минут, и всё это время я смотрю на тротуары. Мне кажется, я узнаю её даже со спины, даже через стекло между машинами, но всякий раз светлое пятно оказывается чужой курткой или рекламным щитом.

У входа нас встречает один из людей Романа. Он ещё не видел её. Я прохожу мимо, едва не задевая плечом мужчину с пакетами, и сразу поднимаюсь на эскалатор.

Здесь слишком много людей. Дана могла зайти в любой магазин, сесть за столик, спуститься в супермаркет. Я смотрю на каждую девушку возле витрин и всё время достаю те-

лефон, хотя он не вибрирует.

Роман договаривается с местной охраной. Я слышу, как он объясняет про вчерашний обморок, показывает фотографию, просит помочь. Я не жду окончания разговора и иду дальше по этажу.

Возле магазина обуви замечаю светлый рукав за стеклом и вхожу так быстро, что продавец начинает что-то говорить мне вслед. Девушка возле зеркала поворачивается. У неё короткие волосы и чужое лицо.

Я возвращаюсь в галерею.

Через несколько минут на телефоне появляется запись. Дана входит в торговый центр, останавливается возле эскалатора, затем поднимается. Она тяжело дышит. Я вижу, как она прижимает ладонь к груди, и вспоминаю, что вчера доктор спрашивал, когда она последний раз ела.

Сегодня она ела со мной. Я сам видел. Значит, сейчас ей не должно стать плохо, пока я не могу до неё добраться.

Я прокручиваю запись снова и приближаю лицо, хотя изображение сразу распадается на квадраты.

— Найдите, где она сейчас, — говорю я Роману, когда он подходит. — Она здесь была. Вы видите, что она здесь была!

— Проверяем выходы. Люди обходят этажи.

— Так пусть быстрее обходят!

Женщина возле нас оборачивается. Я замечаю это и впервые за всё время хочу, чтобы хоть кто-нибудь посмотрел на меня как следует и сказал, что видел Дану. Пусть покажет

рукой, пусть назовёт магазин, пусть потребует денег. Я заплачу, лишь бы мне перестали отвечать, что ещё ищут.

Мы обходим торговый центр дважды. Я заглядываю в кафе, к банкоматам, прохожу вдоль примерочных, пока продавщица не просит подождать у входа. Один из охранников проверяет выход к парковке, другой идёт на нижний этаж. Роман звонит человеку у общежития. Дана туда не возвращалась.

Её телефон теперь недоступен.

Я стою возле карты этажей и смотрю на обозначенные стрелками выходы. Отсюда можно уйти на три разные улицы. Мы приехали слишком поздно, а я всё ещё бегаю по магазинам, где её уже может не быть.

Мне становится трудно вдохнуть до конца. Я отворачиваюсь от Романа, провожу ладонью по груди и пытаюсь расстегнуть ворот, хотя он и так открыт.

Я хочу злиться на неё. Хочу найти, посадить в машину и заставить выслушать всё, что я сейчас думаю. Но стоит представить, что она снова лежит где-нибудь без сознания, а мимо проходят люди, которым нет до неё дела, и я уже не могу удержать в голове ни одной связной фразы.

Она могла хотя бы написать, что с ней всё в порядке. Могла прислать что угодно, даже послать меня, и я знал бы, что она держит телефон и смотрит на экран.

Я открываю нашу переписку. Последним остаётся моё сообщение о том, чтоб она не заставляла меня искать.

Наверное, после него она и выключила телефон.

Я стискиваю его так, что начинает болеть ладонь. Потом убираю в карман, потому что мне ещё должны позвонить, если её найдут.

— Я выйду, — говорю я Роману. — Буду с боковой стороны.

Он кивает, продолжая слушать кого-то в трубке. Я иду к ближайшим дверям и по дороге покупаю сигареты в табачном отделе. Зажигалка с первого раза не срабатывает, и мне приходится остановиться под козырьком, прикрыв её ладонью.

На улице легче не становится. После первой затяжки я закашливаюсь, отхожу от двери и направляюсь вдоль здания. Мне нужно двигаться, потому что стоять и ждать следующего звонка я уже не могу.

У служебного въезда поворачиваю в переулок. Отсюда видна улица за торговым центром и узкий проход между кирпичным зданием и оградой. Я смотрю туда просто потому, что всё это время смотрю в каждый проход, где могла исчезнуть девушка в светлом свитере.

Сначала слышу мужской смех.

— Да покажи, что в сумке. Чего ты вцепилась?

Трое стоят у стены, почти закрывая кого-то от меня. Один в расстёгнутой куртке, другой с капюшоном на голове. Третий наклоняется вперёд, и я вижу белый кед у края лужи.

Я останавливаюсь.

— Я сказала, у меня ничего нет! Дайте пройти!

Я знаю этот голос. Я уже слышал, как она пыталась удержать его ровным, пока я не давал ей отступить от стола.

Парень в капюшоне берётся за ремень её сумки. Дана дёргает его к себе и на секунду появляется между чужими плечами.

Я вижу её лицо, свитер под расстёгнутой курткой и руку, которой она упирается в стену, чтобы не потерять равновесие.

Сигарета падает на асфальт. Телефон остаётся в кармане, и я даже не вспоминаю, что Роман в нескольких десятках метров от меня.

— Убери от неё руки! — реву как разъяренный зверь.

Они оборачиваются, когда я уже бегу к ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.